

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Астронавт Джонс
Время для звезд

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Астронавт Джонс. Время
для звезд (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1953, 1956

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Астронавт Джонс. Время для звезд (сборник) / Р. Э. Хайнлайн —
«Азбука-Аттикус», 1953, 1956 — (Звезды мировой фантастики
(Азбука))

ISBN 978-5-389-13935-0

Если у тебя в жизни есть цель и упорное желание этой цели достигнуть, ничего тебя не остановит на этом пути. У Максимилиана Джонса такая цель – звезды. Макс точно знает, абсолютно уверен в том, что будет астронавтом, чего бы это ему ни стоило. И волею судьбы оказавшись на борту звездного корабля «Асгард», он доказывает своим умом и отвагой, что выбор его единственно правильный. Герои романов, составивших этот том, – подростки, верящие в мечту. И Макс («Астронавт Джонс»), и Том («Время для звезд»), пройдя в звездных походах самые невероятные испытания, именно благодаря своей цельности побеждают и обретают мужество. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13935-0

© Хайнлайн Р. Э., 1953, 1956
© Азбука-Аттикус, 1953, 1956

Содержание

Звездная экспансия: начало	6
Астронавт Джонс	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Роберт Хайнлайн

Астронавт Джонс. Время для звезд (сборник)

Robert A. Heinlein

STARMAN JONES

Copyright © 1953 by Robert A. Heinlein

TIME FOR THE STARS

Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2017

© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Звездная экспансия: начало

Любое масштабное человеческое начинание обычно представляет собой непрерывную череду романтических и драматических событий. Начало звездной экспансии не было исключением – дорога к Солнечному союзу выложена надгробными плитами тех, кто не добрался до конца пути. История проекта «Лебенсраум» – это история самоубийственного безрассудства, авантюры, в которую очертя голову ринулось без малого три тысячи человек. Их мотивации были самыми разнообразными, вряд ли удастся свести их к общему знаменателю, поэтому более продуктивно рассмотреть социальные, технические и политические предпосылки возникновения проекта. Еще более любопытно было бы сравнить ход событий, приведших к старту звездной экспансии в различных временных линиях, – но это слишком объемная задача для такой короткой статьи. Поэтому мы вынуждены ограничиться той временной ветвью, где рождение Неемии Скаддера было предотвращено полевым агентом Корпуса времени, в результате чего США оказались вовлечены в Третью мировую войну.

Состояние, в которое пришла экономика Земли, не позволило воплотиться идее Космического патруля¹, более того, соглашение 1980 года, заключенное в Байройте уцелевшими мировыми державами, на долгое время заморозило космическую гонку вооружений, а с ней и развитие космических технологий, что отбросило начало космической экспансии на многие десятилетия вперед. И колонизация планет Солнечной системы началась только после разработки атомного двигателя Ортеги и масс-конвертора Томпсона, служившего источником энергии. И здесь немалую роль сыграла организация Фонда дальних перспектив. Несомненно, она каким-то образом контролировалась семействами Говарда². Ведь именно долгожители, как никто другой, были заинтересованы в долгосрочных перспективах и техническом прогрессе. Поэтому Фонд щедро вкладывал средства в самые разные проекты, в том числе – в создание межзвездного факельщика «Авангард».

Впрочем, экспериментальный полет «Авангарда» так и остался бы провалившимся экспериментом, если бы к 2120 году величина биологического давления на Земле не достигла критического уровня. Колонии Планетной лиги не могли обеспечить отток населения с материнской планеты – жизнь на Марсе или Венере была далека от комфортной по земным стандартам, Ганимед был превращен в одну большую сельскохозяйственную ферму, а Церера была способна приютить в своих куполах лишь несколько тысяч старателей и шахтеров.

Демографическая проблема с неизбежностью провоцировала локальные конфликты и в условиях, когда договор в Йоханнесбурге не был заключен и бомбы Космического патруля не висели дамокловым мечом над планетой, ограниченный миротворческий корпус Космического десанта лиги едва справлялся с тушением пожаров. Повсеместное внедрение масс-конвертора Томпсона привело к тому, что революционное открытие Дэниела Шипстоуна³ в этой временной линии не привело к созданию мегакорпорации и экономическая империя «Шипстоун» не выступила в роли политического интегратора лиги.

Земля неуклонно шла к новой мировой войне, которая должна была снять накопившиеся противоречия, проредить население и, возможно, привести к установлению централизованной власти – Земной империи. В преддверии грядущего хаоса территориальные государства стремительно мутировали в монархические и тоталитарные образования, власти все сильнее

¹ *Космический патруль* – миротворческая организация, у которой одним из способов понуждения к миру была угроза ядерной бомбардировки, см. роман «Космический кадет».

² *Семейства Говарда* – тайная организация долгожителей, см. роман «Дети Мафусаила».

³ *Дэниел Шипстоун* – изобретатель универсального аккумулирующего устройства, вытеснившего все прочие источники энергии, см. роман «Фрайди».

закручивали гайки, все больше урезали пайки, а международные организации лихорадочно искали способ стравить пар, пока у котла не снесло крышку. Именно таким способом и стал отчаянный проект «Лебенсраум», втянувший в свою орбиту двух подростков, Тома и Патрика Бартлеттов из романа «Время для звезд».

Трудно назвать первые межзвездные экспедиции авантюрой. К ним больше подходит слова «безрассудство» или «безумие». Авантюрист рассчитывает на какие-то дивиденды со своего предприятия, первопроходцы же не рассчитывали ни на что. Первые разведчики на своих древних релятивистских звездолетах клали свои жизни на то, чтобы исследовать одну-две звездные системы, многие из которых оказывались пустышками. В отличие от мореплавателей эпохи географических открытий, густо исписавших земные карты своими именами, исследователи космоса либо бесследно исчезали в его глубинах, либо возвращались ни с чем. К началу звездной экспансии разведчики обнаружили не больше десятка пригодных для колонизации планет.

Создание звездных колоний, последовавшее за открытием первых землеподобных планет, в разных временных линиях шло разными путями. Звезды осваивались в разной последовательности, разными силами, отличалась и техника для преодоления межзвездных расстояний. Но что бы ни двигало ковчеги колонистов – факел Ортеги, квантовый двигатель Фроунинга или импеллеры Хорста-Конрада, – их в любом случае отправляла к звездам могущественная политическая или экономическая империя. Корпорация «Шипстоун», картель «Канг-Да Коста» или Солнечная империя – не важно, как называлось это образование, суть в том, что это были люди, сконцентрировавшие в своих руках большую часть власти и ресурсов Солнечной системы. К 2200 году все временные ветви земной истории были так или иначе охвачены глобализацией. Она могла принимать разные формы, наиболее одиозной из которых была империя.

Монархия возникла в процессе общего реставрационного процесса, охватившего все стороны жизни человечества. Человечество как единый больной организм пыталось противостоять распаду, лихорадочно извлекая на свет и пробуя на себе рецепты прежних ступеней эволюции. Понятно, что это были негодные рецепты. Приближение Темных веков грозит потерей сокровищницы накопленных знаний? Отлично, мы приставим к знаниям охрану и бережем его среди достойных. Так профессиональные знания оказались сконцентрированы и скрыты в профессиональных кастах. Механизм профессионального наследования в гильдиях, возможно, играл какую-то положительную роль в прежние Темные века, но в середине третьего тысячелетия он был всего лишь ножницами, обрезавшими тросы социальных лифтов. Распад инфраструктур может прервать поставки продовольствия? Прекрасно, привяжем крестьян к земле, заставим землевладельцев возделывать свои владения – и не важно, что производительность таких угодий стремительно приближается к нулю.

Все эти нелепые, архаичные методы привели к тому, что на исходе XXII века на Земле вместо полдня царила крошечная средневековая полночь, правда сытая и уютная, с киберами, движущимися дорогами и звездолетами. Но человек остается человеком, и, даже загнанный в крепко сколоченное теплое стойло, он может иногда поднимать голову и смотреть на звезды. На переломе веков люди оставались людьми, они любили жизнь и часто хотели большего⁴.

С. В. Голд

⁴ «Хайнлайн в картинках».

Астронавт Джонс

Джиму Смитту, моему другу

Глава 1 «Томагавк»

Макс любил это время дня, это время года. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг песчаных блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, заткнулась. Рыжая белка вспрыгнула на пень и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась закапывать орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца ЧСЗ – магнитной дороги Чикаго – Спрингфилд – Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо – здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футах в ста от первого. Третье, и последнее, справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спускался в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было побольше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо – и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда нет ветра, отклоняющего траекторию. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след крушения и по сию пору был виден на левом склоне – пятно зелени более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал – но все равно, если уж случится вдруг катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля: «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно отверстие озарилось серебристым сиянием, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым как игла носом.словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем – от этого перехватывало дыхание – какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было как удар грома, раскатившийся между горными склонами. Макс схватил воздух разинутым ртом.

– Ничего себе! – тихо сказал он. – Вот это да!

Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и Моу⁵, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из виду юго-западную сторону неба. Через семь минут после пролета «Томагавка» он, если вечер был ясным, наблюдал запуски ежедневного лунного корабля. До космодрома в Земпорте было довольно далеко, да и зрелище было куда менее драматичным, чем прыжок поезда сквозь кольцо, но пришел сюда именно ради него. Магнитные поезда, конечно, были хороши, но космические корабли были его страстью – даже такие игрушечные, как лунный шаттл.

Однако только он нашел место, где остановился, – описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита IV, – как его отвлек оклик откуда-то сзади:

– Эй, Макси! Максимилиан! Мак-си-мил-ьян!

Он замер и ничего не отвечал.

– Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо, пока его не заслонил сарай. Моу вернулась, и никуда уж тут не денешься, – если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она сама так сказала – Моу никогда этого не делала, – но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни, вместо того чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ – и сделать это всерьез, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он-то думал, что Моу прикатила на автобусе из Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял яркий маленький уницикл – и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал неожиданного гостя. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем. Бифф Монтгомери был местным, правда он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно – Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел – до последнего времени: Моу стали все чаще замечать в его компании, она даже стала ходить с ним на танцы и валять дурака. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с Моу – она просто не слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

– Поскорее, Макси! – крикнула Моу. – Да не стой ты там как чурбан. – (Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним.) – Макси, пожми руку своему новому отцу, – пропела Моу и шаловливо глянула на него, словно выдала нечто очень остроумное. Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

⁵ Моу (англ. Maw) – обжора.

Монтгомери ухмыльнулся и выставил свою клешню.

– Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери – я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, а затем, очень неохотно, пожал ее.

– Моя фамилия Джонс, – сказал он без всякого выражения.

– Макси!.. – протестующе воскликнула Моу.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

– Да не торопи ты его так, Нелли, любовь моя. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим – вот мой девиз. – Он повернулся к своей жене. – Подожди, пока я возьму багаж. – С одного багажника уницикла он снял тюк скомканной одежды, а с другого – две плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: – Тост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

– Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься...

Монтгомери остановился.

– Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в таких делах. Конечно же. – Он повернулся к Макс. – Возьми все это хозяйство. – Бифф сунул ему тюк и бутылки. Потом он подхватил Моу на руки, что-то хрюкнув при этом, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег на починку так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к получившейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

– Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

– Нет. – Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару деревянных брусков.

Моу сказала:

– Макси, ты должен был приготовить обед.

Монтгомери любезно заступился за Макса:

– Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста.

Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

– Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную! – окликнул его Монтгомери.

– Мне надо готовить ужин.

– Чепуха! Вот твой стакан. Быстренько!

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а у новобрачной по крайней мере на треть. Макс взял свой стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

– Ты же только испортишь!

– Я к этому не привык.

– Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно хлебнул из стакана и отставил его. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная медсестра. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

– Эй, как это, ты же не допил.

– Послушайте, мне надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело?

– Ну что же, – пожал плечами Монтгомери, – тем больше останется нам. Твою долю мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоём возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

– Лапочка, я надеюсь, что начиная с завтрашнего дня ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень – не такой уж хороший повар.

Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем Моу; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда Моу спросила:

– Макси, дорогой, а что будет на десерт?

– Десерт? Ну – в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного союза.

На ее лице отразилась досада.

– О боже! – сказала она. – Боюсь, что его там нет.

– Что?

– Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Это был ужасно жаркий день!

Макс ничего не сказал, он не был удивлен. Но Моу не унималась.

– Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня такой особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

– Заткнись, лапочка, – сказал он ласково. – Я не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки – это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах. – Он повернулся к Макс. – Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

– Чего? – удивился Макс. – Я никогда не делал ничего другого. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

– Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услышал новость, которую не смог сразу переварить.

– Как это? Что вы имеете в виду?

– Потому что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению лица Моу он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное, – торжествующий, но слегка настороженный.

– Отцу бы это не понравилось, – резко сказал Макс. – Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

– Ну, Макси! Я же говорила тебе не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

– Клайдовские Углы! Тоже мне город!

– Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой отец привез меня сюда, – а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

– Но ты же обещала отцу, что... – прибавил громкости Макс.

– Заткнись, – оборвал его Монтгомери. – И постарайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери – и ко мне.

Макс замолчал.

– Земля продана, и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

– Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

– Что бы ты ни думал, я получил больше. – Он подмигнул Макс. – Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, чего это тут появился агент, скупающий эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я...

– Я использую предоставляемые правительством удобрения.

– Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. В смысле – для сельского хозяйства. – Он постучал пальцем по носу, хитро ухмыльнулся и объяснил. Судя по его словам, был намечен большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери изъяснялся про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что он мало что знает. Некий синдикат втихую скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства. – Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо.

Тут в разговор встряла Моу:

– Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой отец знал, что мы когда-нибудь сумеем получить...

– Смолкни, Нелли!

– Но я только хотела сказать ему, сколько...

– Я же сказал «смолкни».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, засунул в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб объедки с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Неожиданная перспектива иметь Биффа Монтгомери в семье потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или, скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип лапал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике.

– Вернулся? – оглянулся Монтгомери. – Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась Моу.

– Дорогой, – пропела она, – неужели все это не может подождать до утра?

– Не торопись, радость моя, – отмахнулся Монтгомери. – Этот самый аукционер появится здесь завтра, прямо с утра. Мне нужно иметь к этому времени опись. – Он продолжал вытаскивать книги с полки. – Гляди-ка, а вот это – отличные штуки. – У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных в гибкий пластик. – Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

– Это мои!

– Чего? – Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух. – Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

– Они мои! Мне их подарил дядя. – Макс воззвал к мачехе: – Скажи ему, Моу!

– Слушай, Нелли, – ровным голосом процедил Монтгомери, – приведи-ка ты в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли озабоченно наморщила лоб.

– Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

– А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

– Он не был ее братом, он был ее шурином!

– Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать – наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж, сынок, закон. Так что извини. – Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала непроизвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез ярости, так что он едва мог видеть.

– Вы... ты – вор!

– Макс! – взвизгнула Нелли.

На лице Монтгомери появилось выражение холодной ярости.

– А вот это уже чересчур. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня. – Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс сделал шаг назад. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед.

– Монти! – взвизгнула Нелли. – Пожалуйста!

– Не лезь в это, Нелли, – оборвал ее Монтгомери, а Максу сказал: – Мы должны раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал.

– Извинись, – повторил Монтгомери, – и мы про это забудем.

Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что никто за ним не гонится. Потом, все еще кипя яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец, – даже *это*, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился, для того чтобы думать рационально. Теперь он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось, – поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру позабыть обо всем. В гостиной все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже притом что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом.

Свет в гостиной погас, но был виден в спальне; конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно, для того чтобы уходить и приходить ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет: Монтгомери может за чем-нибудь выйти в комнату, и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вырвал его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери навис над его кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что же теперь делать – не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же Моу?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

– Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай – в доме была еда и даже деньги, пусть и совсем немного. Когда сдох мул, он и с этим справился: одолжил упряжку у Макалестера и расплатился собственной работой.

Однако имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходило в голову подумать об этом. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но ведь она больше не миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери! Разве отец просил, чтобы он заботился о миссис Монтгомери?

Конечно же нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что он станет мириться с Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос – что взять с собой.

Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную логарифмическую линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя привез для него с Луны. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва – не то чтобы она слишком часто была ему нужна, – вот, собственно, и все сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстии и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как Моу то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти этот тайник при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; хотя пропажа денег немного все усложнила.

Он глубоко вздохнул. Было еще кое-что, что он должен был взять с собой. Книги дяди Чета. И они (по-видимому) все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в гостиную и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни по-прежнему виднелся свет, Макс помедлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Он услышал, как Монтгомери что-то пробормотал, а Моу захихикала.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери спальни, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль

и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было – он прошел через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей половице рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытащил их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги – или невозможность ее вернуть, что то же самое, – было если уж не смертным грехом, то по крайней мере одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обходя скрипучую доску и катастрофически позабыв о другой такой же. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери не только перелопатил, но и попереставлял все книги, так что Макс пришлось вынимать их одну за другой и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титульного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти, и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет, – а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно спрыгнул на землю.

Ботинки лежали в рюкзаке поверх книг, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. Двигаться предстояло на своих двоих – денег на автобус у него не было.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не станет вернуть его домой. Скажет: скатертью дорожка, – и тут же из головы выкинет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если Моу уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним посчитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

Глава 2

Добрый самаритянин

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он держался высоких мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где магнитная дорога скрывалась в туннеле в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семьдесят минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, расположенному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на безопасном – по его расчетам – расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Гребень был высоким, иначе кольца установили бы не в туннеле, а прямо на холме. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на холм потребовалось бы часа два – при дневном свете. Но служебная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Если он пойдет по дороге, то через десять – пятнадцать минут он окажется по другую сторону холма.

Макс никогда не ходил по туннелю. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение сильно беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали – мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс высмотрел в туннеле, совсем неподалеку от входа, погибшую лису. Он быстро сбегал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был «пойман» поездом внутри туннеля – и дорожные рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но ненамного – только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Максу совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал, когда прятался в сарае. «Асsegай», должно быть, прошел совсем недавно, хотя он его вроде бы и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще стоял на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить – полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же...

Получившийся ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя, тщательно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул, – несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов – плюс-минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Асsegай» будет не раньше чем через три четверти часа. Если не

брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя ярдов пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал – сначала рысцой, а затем, подгоняемый страхом перед этим местом, – со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось как сумасшедшее; потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

...Он поднялся, ничего не понимая и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: прямо над ним прошел поезд.

Не так близко, чтобы убить, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Асsegай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный, – и Макс выбежал из туннеля всего за какую-то минуту до него.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на какую было способно его избитое тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство: ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков – шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев, пение древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Максу, что он лишился слуха – стал глухим как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделаться с этим нельзя было сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой лощины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, служебная дорога пересекла обычный проселок, он свернул на проселок и стал спускаться с холма. Первая его задача – добраться до такого места, где Монтгомери вряд ли будет его искать, – была выполнена. Теперь он был в другом водоразделе. Всего в нескольких милях от дома, и тем не менее, пройдя сквозь хребет, он оказался совсем в другой местности.

Он продолжал спуск еще пару часов. Дорога эта была совсем примитивной, пригодной разве что для телег, но все-таки лучше, чем та, служебная. Где-то там, внизу, где холмы сменялись долиной, в которой жили «иностранцы», он найдет шоссе, проложенное параллельно магнитной дороге и ведущее в Земпорт. Именно Земпорт избрал он своим конечным пунктом, имея при этом более чем смутное представление относительно того, что будет делать, добравшись туда.

Луна светила теперь Максу в спину, и он шел довольно быстро. Кролик выпрыгнул на дорогу, присел на секунду, уставившись на него, и куда-то ускакал. При виде кролика Макс

пожалел, что не захватил с собой малокалиберку. Спору нет, винтовка была очень старая, изношенная и стояла в таком виде гроши. К тому же последнее время становилось все труднее и труднее найти патроны для такого допотопного оружия, но кролик в котелке – это сейчас было бы великолепно, просто великолепно. Макс понял, что не только устал, но и ужасно голоден. Он только чуть поковырял свой ужин там, дома, а на завтрак ему, похоже, придется сосать лапу.

Вскоре внимание Макса переключилось с голода на звон в ушах, звон, который, к его беспокойству, становился все сильнее и сильнее. Он тряс головой и хлопал себя по ушам, но ничего не помогало. Ему не оставалось ничего другого, как смириться и перестать обращать внимание на этот звон. Пройдя еще с полмили, он неожиданно обнаружил, что слышит звук своих шагов. Он остановился как вкопанный; затем сильно хлопнул ладонями – и отчетливо различил хлопок сквозь продолжавший звучать в ушах звон. Дальше он пошел с полегчавшим сердцем.

В конце концов Макс оказался на уступе, с которого открывался вид на широкую долину. При лунном свете он увидел плавный изгиб грузового шоссе, ведущего на юго-запад, и даже смог различить флюоресцентные разделительные линии на его полотне. Он поспешил вниз.

Он приближался к шоссе и уже даже слышал рев пролетающих мимо грузовиков, когда заметил впереди себя огонек. Макс осторожно приблизился, уверенный в том, что это и не машина, и не фермерский дом. С близкого расстояния выяснилось, что там горит небольшой костер, который можно было увидеть только сверху, с холма; со стороны шоссе его заслонял известняковый выступ. Какой-то человек, сидя на корточках, помешивал содержимое большой консервной банки, пристроенной на камнях над огнем.

Макс подкрался еще ближе и теперь глядел на стоянку бродяги почти прямо сверху. До него донесся запах тушеного мяса, и рот его наполнился слюной. Разрываемый, с одной стороны, голодом, а с другой – врожденным недоверием горца к «иностранцам», он лежал неподвижно и смотрел. Вскоре человек снял посудину с огня и крикнул:

– Ты, там, кончай прятаться! Спускайся сюда!

Макс был слишком поражен, чтобы ответить сразу. Человек добавил:

– Иди сюда, к огню. Я не собираюсь нести его к тебе наверх.

Макс поднялся и вошел в круг света, отбрасываемого костром.

Человек поднял на него глаза.

– Привет. Бери стул.

– Привет. – Макс присел на другой стороне костра. Бродяга был одет даже хуже его самого и явно давно не пользовался бритвой. Однако и в этих лохмотьях он производил впечатление какой-то изысканной небрежности и держался с прямо-таки воробыиной самоуверенностью.

Человек продолжал помешивать месиво в своей посудине, а затем зачерпнул его ложкой, подул на нее и попробовал.

– Считаю готово, – объявил он. – Четырехдневное рагу уже почти созрело. Бери себе тарелку.

Он поднялся, покопался в куче меньших банок за своей спиной и выбрал одну из них. Макс чуть помедлил, а затем сделал то же самое, остановив свой выбор на той, в которой когда-то был кофе и которая, похоже, с того времени больше не использовалась. Гостеприимный хозяин налил ему щедрую порцию тушеного мяса, а потом протянул ложку. Макс посмотрел на нее.

– Если ты не доверяешь тому парню, который пользовался ею до тебя, – рассудительно произнес бродяга, – поддержи ее над огнем, а потом оботри. Что касается меня, то не беспокойся. Если микроб укусит меня, то погибнет в страшных мучениях.

Макс последовал совету, подержав ложку в огне, пока терпели палыцы, а потом вытер ее рубашкой.

Тушеное мясо было хорошим, а голод сделал его просто великолепным. Рагу состояло из жирного соуса, овощей и какого-то неопознанного мяса. Макс не стал ломать голову относительно происхождения составных элементов; он просто наслаждался едой. Через некоторое время хозяин сказал:

– Добавки?

– А? Конечно. Спасибо.

Вторая порция рагу насытила Макса и наполнила каждую клеточку его организма ощущением блаженства. Он лениво потянулся, наслаждаясь своей усталостью.

– Ну что, полегчало? – спросил бродяга.

– Да-да, еще как! Вот уж спасибо.

– Кстати, можешь называть меня Сэм.

– Ой, забыл. Меня зовут Макс.

– Рад с тобой познакомиться, Макс.

Макс несколько помедлил, прежде чем задать вопрос, беспокоивший его все это время:

– Э-э-э, Сэм? А как ты узнал, что я был там? Ты что, слышал меня?

– Нет, – ухмыльнулся Сэм. – Но твой силуэт рисовался на фоне неба. Никогда больше не делай этого, парень, а то как-нибудь это станет последним, что ты сделаешь.

Макс резко повернулся и поглядел на то место, откуда смотрел на костер. Конечно же, Сэм был прав. Это надо же так влипнуть!

Сэм продолжил:

– Давно в дороге?

– Что? Да, довольно-таки.

– И далеко ты собрался?

– Ну, наверное... довольно далеко.

Сэм помолчал, а затем сказал:

– Как думаешь, твои будут по тебе скучать?

– Чего? Откуда ты это знаешь?

– Что ты из дома сбежал? Но ведь ты же так и сделал?

– Ну да. Вроде того.

– Когда ты сюда притащился, видок у тебя был – прямо скажу. Может, еще не поздно все это дело послать, пока ты еще не совсем сжег за собой мосты. Подумай об этом, парень. На дороге – оно не сахар. Я-то это хорошо знаю...

– Вернуться? В жизни туда не вернусь!

– Что, так уж тебя достало?

Макс не отвечал, глядя на пламя костра. Ему было крайне необходимо разобраться в своих собственных мыслях, даже если для этого требовалось рассказать чужаку о своем, личном, – а этот чужак был какой-то очень легкий в общении. С ним говорить было просто.

– Слушай, Сэм, у тебя была когда-нибудь мачеха?

– Что? Как-то не припомню, чтоб у меня была такая штука. Меня целовал на ночь Центр развития брошенных детей центрального округа Джерси.

– Вот оно что!..

Макс, спотыкаясь, выложил всю свою историю. Сэм иногда прерывал Макса сочувственными вопросами, чтобы разобраться в невнятице его рассказа.

– И вот тогда я смылся, – заключил Макс. – Больше нечего делать. Ведь правда?

Сэм пожевал губами.

– Пожалуй, что и правда. Этот самый твой отчим в квадрате – он смахивает на мышь, которая хочет стать крысой. Правильно сделал, что смылся от него.

– Ты же не думаешь, что они попробуют найти меня и притащить назад, ведь не думаешь?

Сэм помолчал, подкладывая в костер новую деревяшку.

– А вот в этом я не уверен.

– Что? А зачем? Я им не нужен. Ему я не нравлюсь. А Моу наплевать на самом-то деле. Она, конечно, может, немного поноет, но сама даже пальцем не пошевелит.

– Все это так, но есть еще и ферма.

– Ферма? Мне она не нужна. Теперь, когда отец умер. Да по правде говоря, и ферма та слова доброго не стоит. Там хребет себе переломить можно, пока вырастишь хоть какой-нибудь урожай. Если бы закон о пищевом производстве не запретил владельцам бросать сельскохозяйственные угодья, отец давным-давно бросил бы обрабатывать свой участок. Без этого самого казенного проекта невозможно было бы найти такого идиота, который избавил бы нас от этой фермы.

– Про то я и говорю. Этот тип уговорил твою, так сказать, мамашу загнать ферму. Так вот, мое юридическое образование, может, и не очень – но похоже, что деньги эти должны бы пойти тебе.

– Что? Да хрен с ними, с теми деньгами, мне лишь бы уйти куда подальше от этой парочки.

– Не говори так о деньгах, иначе высшие силы велят тебе заткнуться за подобное богохульство. Однако, скорее всего, то, как ты сам к этому относишься, не имеет ровно никакого значения. Насколько я понимаю, гражданин Монтгомери вскоре страстно возжелает увидеть тебя.

– С чего бы это?

– Твой отец оставил завещание?

– Нет. А зачем? Он не оставил после себя ничего, кроме этой фермы.

– Я, конечно, не знаком со всеми хитростями законов вашего штата, но уверен, что по крайней мере половина этой фермы принадлежит тебе. Вполне возможно, что мачеха твоя имеет только право пожизненного пользования своей половиной с передачей тебе после ее смерти. И совершенно очевидно, что она не может заключить законную сделку без твоей подписи. И вот вскоре после того, как завтра утром откроется судебная контора вашего округа, покупатели это выяснят. Вот тут-то они и забегают, разыскивая ее. И тебя. И ровно через десять минут этот тип Монтгомери бросится искать тебя. Если только он не занят этим прямо сейчас.

– Господи боже! А если они меня найдут, имеют они право заставить меня вернуться?

– А ты не давай им себя найти. Ты довольно хорошо начал.

Макс подобрал с земли свой рюкзак.

– Пожалуй, я лучше двинусь дальше. Огромное спасибо, Сэм. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

– Сядь.

– Послушай, мне сейчас лучше уйти так далеко, как только смогу.

– Парень, ты устал, и поэтому голова у тебя не очень соображает. Ну и далеко ты сегодня уйдешь, в такой отличной форме? Вот завтра, ранним утром, ясным и солнечным, мы с тобой спустимся вместе к шоссе, пройдем по нему с милю на юг. Там есть придорожное кафе, в которое заезжают шоферы грузовиков. И вот тут-то мы и подцепим какого-нибудь дальнбойщика, когда он будет выходить в хорошем настроении после хорошего завтрака. Договоримся, чтобы он нас подвез, и ты за десять минут проедешь больше, чем пройдешь сейчас за всю ночь.

Макс вынужден был признать, что устал, точнее – совершенно вымотался. Кроме того, Сэм, без всякого сомнения, понимал в таких делах больше, чем он.

– А одеяло-то у тебя есть в этой твоей торбе? – спросил Сэм.

– Нет. Только рубашка... и книги.

– Книги, говоришь? Я и сам люблю почитать, когда есть подходящий случай. Можно посмотреть?

Макс довольно неохотно вытащил свои книги. Сэм поднес их поближе к костру и перелистал.

– Ничего себе, чтоб я был трехглазый марсианин! Да ты, парень, хоть представляешь себе, что это у тебя за книги?

– Конечно.

– Но ты же не имеешь права ими владеть. Ведь ты не член гильдии астронавигаторов.

– Нет, а дядя мой был. Он участвовал в первом полете к Бете Гидры, – гордо добавил Макс.

– Без дураков?

– На полном серьезе.

– Но сам-то ты никогда не был в космосе? Да нет, конечно же нет.

– Но я обязательно буду! – Тут Макс неожиданно признал то, о чем никогда ни с кем еще не говорил: желание повторить путь своего дяди и тоже отправиться к звездам. Сэм задумчиво слушал его. Когда Макс кончил говорить, он медленно произнес:

– Так, значит, ты хочешь стать астронавигатором?

– Конечно же хочу.

Сэм почесал себе нос.

– Послушай, парень, не хотел бы я, чтобы мои слова были для тебя холодным душем, но ты же и сам понимаешь, как устроен этот мир. Стать астронавигатором почти так же трудно, как попасть в гильдию водопроводчиков. В наши дни похлебка все жиже, а едоков все больше. Гильдия не встретит тебя с распростертыми объятиями только из-за того, что тебе захотелось стать учеником. Членство в ней, как и во всех хорошо оплачиваемых гильдиях, передается по наследству.

– Но ведь мой дядя был членом этой гильдии.

– Вот именно, дядя, а не отец.

– Нет, но член гильдии, у которого нет сыновей, имеет право представить кого-нибудь другого. Дядя Чет мне это объяснял. Он говорил мне, что собирается зарегистрировать мою кандидатуру.

– И он это сделал?

Макс молчал. В то время, когда дядя умер, он был еще слишком юным, чтобы суметь разобраться, как это можно узнать. А когда за дядей последовал отец, его без остатка поглотили домашние дела и он так ничего не выяснил, подсознательно предпочитая лелеять свою мечту, вместо того чтобы подвергать ее проверке.

– Не знаю я, – наконец ответил он. – Я отправлюсь в Земпорт в Великое братство и все узнаю.

– Да-а. Ну что ж, удачи тебе, парень. – Сэм глядел на огонь костра, как казалось Макс, печальными глазами. – Так я сейчас на боковую, и тебе советую. Если продрогнешь, там, под тем камнем, есть кой-чего – мешковина, упаковочные материалы и всякое такое. Не замерзнешь, если не боишься подхватить блоху-другую.

Макс заполз в указанную ему темную нору и обнаружил, что это что-то вроде пещеры в известняке. Ощупав пол, он нашел некое подобие подстилки. Он думал, что будет плохо спать, однако полностью выключился еще раньше, чем Сэм потушил костер.

Разбудило его солнечное сияние, разливавшееся снаружи. Он выполз из тесной норы, встал и потянулся, прогоняя одеревенение из своего тела. Судя по солнцу, было часов семь. Сэма нигде не было видно. Он осмотрел все вокруг, покричал, правда не слишком громко, и решил, что Сэм отправился к ручью попить и умыться. Тогда он вернулся в свое прибежище и вытащил оттуда рюкзак, собираясь сменить носки.

Дядиных книг не было.

На его запасной рубашке лежала записка: «Дорогой Макс, – говорилось в ней. – В банке еще осталось рагу. Можешь подогреть его на завтрак. Пока. Сэм. P. S. Жаль, что так вышло».

Последующее исследование содержимого рюкзака показало, что пропало и удостоверение личности, но остальное жалкое хозяйство Макса Сэма не заинтересовало. Макс не притронулся к рагу, а сразу пошел к шоссе, терзаемый горькими мыслями.

Глава 3

Земпорт

Грузовое шоссе по виадуку пересекало грунтовую дорогу, по которой шел Макс. Он поднялся к дальней стороне шоссе и направился на юг по его обочине. Путь этот был отмечен знаками «Проход воспрещен», но, несмотря на это, тропинка была хорошо протоптана. Потом шоссе расширилось, чтобы дать возможность машинам снижать скорость. Далее, на расстоянии порядка мили, виднелось кафе – видимо, то самое, о котором говорил Сэм.

Макс перескочил через изгородь, окружавшую кафе и стоянку для машин, и подошел к парковочным ячейкам, в которых в ряд выстроилось порядка дюжины больших сухопутных кораблей. Один из них, готовившийся к отправлению, мелко дрожал, его плоское днище уже зависло в нескольких дюймах от металлического покрытия площадки. Макс подошел к переднему концу этого грузовика и снизу заглянул в кабину. Дверца была открыта, и через нее был виден водитель, наклонившийся над приборной доской.

– Эй, мистер! – окликнул его Макс.

Водитель высунул голову наружу.

– Чего тебе?

– Вы, случаем, не подвезете меня на юг?

– Да иди ты, парень... – Дверца захлопнулась.

Ни один из остальных грузовиков не готовился к скорому отправлению, кабины их были пусты. Макс собрался было уже уйти, когда еще один гигантский грузовик скользнул по тормозной полосе, достиг стоянки, медленно вполз в ячейку и наконец опустился на землю. Макс думал, не подойти ли к водителю сразу, но решил подождать, пока тот поест. Он отошел к зданию кафе и сквозь дверь, сглатывая слюни, смотрел, как изголодавшиеся мужчины изничтожают пищу, когда услышал за своим плечом приятный голос:

– Простите, пожалуйста, но вы загораживаете дверь.

– Ой, извините, пожалуйста, – испуганно дернулся Макс.

– Проходите, пожалуйста, вы же раньше меня. – Говоривший был лет на десять старше Макса. Его густо усыпанное веснушками лицо улыбалось почему-то только одним из уголков рта, а к шапочке, как заметил Макс, был приколот значок гильдии водителей грузовиков. – Входите, – повторил человек, – а то рискуете, что вас тут в сутолоке затопчут.

Макс убеждал себя, что он просто посмотрит, нет ли там, внутри, Сэма, – в конце концов, не возьмут же они с него плату за то, что он просто войдет внутрь, если он не будет ничего есть. Почти втайне от самого себя он подумывал спросить управляющего, если у того будет достаточно дружелюбный вид, не найдется ли у них какой мелкой работы за обед. Слова этого веснушчатого склонили чашу весов; он проследовал за своим носом по направлению источника божественных запахов, струившихся из дверей кафе.

Кафе было переполнено, свободен был только один столик на двоих. Человек легко опустился в кресло и пригласил:

– Садись. – Увидев, что Макс мнется, он добавил: – Давай садись. Ненавижу есть в одиночку.

Макс ощутил на себе взгляд управляющего и сел. Официантка вручила каждому из них меню, и водитель одобрительно окинул ее взглядом. Когда девушка отошла, он заметил:

– Раньше в этой помойке была автоматическая система обслуживания, и они разорились. Вся торговля перешла в «Тиволи», в восьмидесяти милях отсюда. Новый хозяин выкинул всю эту хурду-мурду на свалку, набрал девиц, и дело снова пошло. Ничто не улучшает вкус еды так, как хорошенькая девушка, ставящая ее на столик перед тобой. Верно ведь?

– Э-э-э... наверное. Конечно.

Макс не слушал, что ему говорит водитель. Он очень редко бывал в кафе, да и то только за стойкой в Клайдовских Углах. Цены в меню его ужаснули; ему хотелось заползти под столик.

Шофер внимательно посмотрел на него.

– В чем дело, браток, что тебя беспокоит?

– Беспокоит? Да ничего.

– Ты что, без цента?

Жалкое выражение лица Макса само ответило на этот вопрос.

– Ерунда, со мной такое частенько бывало. Расслабься. – Махнув рукой, он подозвал официантку. – Давай сюда, радость моя. Мы с напарником возьмем по бифштексу с яйцом сверху, а к нему это вот и вот это. И я хочу, чтобы яйцо было совсем чуть прожарено. Если оно будет как подошва, я прибью его к стене как предостережение для потомков. Ясно?

– Вряд ли ты пробьешь ее гвоздем, – фыркнула девица и отошла, соблазнительно поглядываясь. Водитель не спускал с нее глаз, пока она не исчезла на кухне. – Видишь, про что я говорю? Ну разве ж может с этим конкурировать какая-то там механизма?

Бифштекс был отличным, и яйцо свернулось не совсем. Водитель сказал, чтобы Макс называл его «Рэд», а Макс в ответ сказал свое имя. Макс как раз подтирал кусочком хлеба остатки желтка с тарелки и раздумывал, сейчас поднять вопрос насчет поездки или чуть погодя, когда Рэд слегка наклонился вперед и негромко сказал:

– Макс, ты куда-нибудь торопишься? У тебя найдется время для небольшой работы?

– Что? Ну, вполне возможно. А какая работа?

– Не против малость проехать на юго-запад?

– Юго-запад? По правде говоря, туда я и направляюсь.

– Добро. Так вот, какое дело. Хозяин говорит, что на каждой машине должно быть два водителя – а в противном случае надо отдыхать восемь часов после восьми за рулем. А я не могу сейчас этого себе позволить. За опоздание будет штраф, а напарник мой отключился. Этот дуболом наладился, и мне пришлось оставить его, чтобы малость пришел в себя. Так вот, через сто тридцать миль отсюда будет контрольный пост. Если я не предъявлю им второго водителя, они заставят меня остановиться.

– Да ты что, Рэд, я же не умею водить. Мне ужасно жаль.

– Да тебе и не надо будет, – отмахнулся Рэд. – Ты каждый раз будешь отдыхающим водителем. Ты что, думаешь, я доверю свою малютку «Молли Мэлоун»⁶ кому-то, с ней незнакомому? Я продержусь на стимуляторах, а сон догоню уже в Земпорте.

– Ты что, едешь до самого Земпорта?!

– Конечно.

– Тогда заметано.

– Порядок. Так вот как это будет. Каждый раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты – спишь на койке. Ты помогаешь мне нагружать и разгружать – я должен скинуть часть груза и взять кое-что еще в Оклахома-Сити. А я тебя кормлю. Порядок?

– Порядок.

– Тогда почапали. Я хочу смыться отсюда до того, как тронутся остальные. Никогда не знаешь, кто из них может настучать. – Рэд кинул на стол бумажку и не стал ждать сдачи.

«Молли Мэлоун» была двухсот футов в длину и имела обтекаемую форму, создававшую на ходу отрицательную подъемную силу. Макс понял это, глядя на приборы; когда она задрожала и приподнялась над землей на стоянке, шкала «расстояние от грунта» показала девять дюймов, а после разгона это расстояние уменьшилось до шести.

⁶ Грузовик назван именем героини ирландской народной песни, ставшей неофициальным гимном Дублина.

– Отталкивание обратно пропорционально кубу расстояния, – объяснил Рэд. – Чем сильнее воздух прижимает нас к полотну, тем сильнее дорога нас отталкивает. Это не дает нам прыгнуть за горизонт. Чем быстрее мы едем, тем устойчивее.

– А что, если ты пойдешь с такой скоростью, что воздух прижмет днище к дороге? Ведь тогда же все мы на куски разлетимся!

– Шевели мозгами. Чем сильнее мы проседаем, тем сильнее нас отталкивает вверх. Я же сказал – обратно пропорционально кубу.

– А, ясно. – Макс вытащил дядину счетную линейку. – Если она как раз удерживает свой вес при клиренсе девять дюймов, тогда при трех дюймах отталкивание будет в двадцать семь раз больше ее веса, при одном дюйме – в семьсот двадцать девять, а при четверти дюйма...

– О таком даже и не думай. Даже при максимальной скорости я не могу опустить ее до пяти дюймов.

– А что ее двигает?

– Сдвиг по фазе. Поле бежит вперед, а «Молли» пытается его догнать... и никогда не может. Ты только не пытай меня про всю эту теорию – я просто нажимаю кнопки. – Рэд закурил сигарету и, держа рычаг управления одной рукой, удобно откинулся на спинку сиденья. – Лучше забирайся на койку, парень. Контрольный пост через сорок миль.

Койка была расположена за кабиной, поперек машины, это было что-то вроде полки над сиденьем. Макс вскарабкался туда и замотался в одеяло. Рэд подал ему кепку, точь-в-точь как свою.

– Натяни ее себе на глаза, только пусть будет видно эту бляху. – Бляхой был значок гильдии водителей. Макс сделал, как ему было сказано.

Через некоторое время звук встречного потока воздуха с негромкого рева перешел на легкое посвистывание, а потом и совсем стих. Грузовик осел на дорожное полотно, дверца кабины открылась. Он лежал тихо, и ему не было видно происходящего.

– И как долго ты ее гонишь? – спросил незнакомый голос.

– Да вот, сел после завтрака у Тони.

– Всего-то? Что ж это у тебя такие красные глаза?

– Это оттого, что я веду дурную жизнь. А язык показать?

На шуточку инспектор реагировать не стал, а вместо этого наставительно заметил:

– Твой напарник не расписался в путевке.

– Как скажете. Хотите, я разбужу этого придурка?

– Э-э-э... да нет, обойдемся. Распишись за него сам. Только скажи ему потом, чтобы был в другой раз повнимательней.

– Точно.

«Молли Мэлоун» тронулась с места и набрала скорость. Макс сполз вниз.

– Когда он спросил про мою подпись, я уже думал, что мы влипли.

– Да нарочно я это сделал, – ухмыльнулся Рэд. – Всегда надо кинуть им какую-нибудь косточку, чтоб погрызть, а то они сами начнут все раскапывать.

Грузовик Максy понравился. Огромная скорость, да еще так близко к земле, приводила его в восторг; он уже стал подумывать, что, если вдруг не удастся стать астронавтом, такая жизнь – это тоже было бы неплохо; он узнает, сколько надо на вступительный взнос в гильдию, и начнет откладывать деньги. Ему нравилась непринужденность, с которой Рэд выбирал на дорожном полотне линию, соответствующую скорости «Молли», и потом клал огромный грузовик в вираж. Обычно это бывала внешняя, самая быстрая линия, «Молли» заваливалась набок, и горизонт перекашивался под диким углом.

Подъезжая к Оклахома-Сити, они пролетели под кольцевыми направляющими ЧСЗ-дороги как раз в тот момент, когда проходил поезд – «Бритва», по расчетам Макса.

– Когда-то я водил эти штуки, – произнес Рэд, бросив взгляд вверх.

– Ты водил их?

– Ага. Но потом мне стало в них как-то беспокойно. Я ненавидел ощущение невесомости, которое появлялось при каждом прыжке. А еще мне стало казаться, что у поезда есть собственные намерения и он просто рвется свернуть вбок, вместо того чтобы спокойно войти в следующее направляющее кольцо. От таких мыслей не приходится ждать ничего хорошего. Тогда я нашел водителя, который горел желанием поднять свое положение, и заплатил штраф в обе гильдии за разрешение поменаться с ним. И не пожалел потом об этом ни разу. Две сотни миль в час на таком малом расстоянии от земли – этого более чем достаточно.

– А как насчет космических кораблей?

– Ну, это же совсем другое дело. Там у тебя есть свободное место со всех сторон. Знаешь, парень, когда ты будешь в Земпорте, обязательно хорошенько посмотри на эти большие штуки. Они того стоят.

Библиотечная книга прямо жгла Макса через рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик около стоянки грузовиков и, повинувшись мгновенному импульсу, кинул книгу туда. Сделав это, он почувствовал легкий укол беспокойства: этим он раскрывал свое местоположение, и этот ключ мог попасть к Монтгомери. Но Макс решительно подавил беспокойство: он должен был вернуть книгу. Его не беспокоили нарушения закона: ни то, что он бродяжничал, ни то, что он выдавал себя за квалифицированного водителя; невозвращение библиотечной книги – это было совсем другое дело. Это был грех.

Когда они прибыли на место, Макс спал на койке. Рэд потряс его за плечо.

– Парень, конец маршрута.

Макс сел, широко зевая.

– А где мы?

– Земпорт. Давай малость встряхнемся и разгрузим эту красотку.

К тому времени как они разобрали груз «Молли», с восхода прошло два часа и уже становилось по-пустынному жарко. Рэд последний раз повел Макса завтракать. Он кончил есть первым, заплатил и затем положил рядом с тарелкой Макса бумажку.

– Спасибо, парень. А это – тебе на счастье. Пока.

Пока Макс раскрывал рот, чтобы ответить, он уже исчез. Макс так никогда и не узнал его фамилии; он даже не заметил номера на его значке.

Земпорт был самым большим поселением, какое Макс когда-либо видел в своей жизни. Все здесь смущало и несколько пугало: спешащие куда-то толпы не обращающих ни на что внимания людей, огромные здания, движущиеся дорожки, заменявшие обычные улицы, шум, пустынное солнце, сверкавшее в небе, ровная, как стол, местность, – это надо же, вплоть до горизонта невозможно было найти ни одного, даже самого завалывающего холмика.

Тут он впервые увидел инопланетянина – восьмифутового уроженца Эпсилона Близнецов V. Тот вышел из какого-то магазина со свертком под левыми руками – так же непринужденно, подумал Макс, как фермер, явившийся в Углы за субботними покупками. Макс уставился на инопланетянина. По снимкам в газетах и СВ-программам он знал, что это за существо, но увидеть своими глазами – это ж совсем другое дело. Многочисленные глаза, видом напоминавшие венки из желтых виноградин вокруг головы, придавали существу гротескный, вроде как безликий вид. Макс крутил головой, следя за ним.

Существо подошло к полицейскому, дотронулось одной из многочисленных рук до шапочки и произнесло:

– Простите, пошалуста, шеф, вы не могли бы шкашать, как пройти к атлетическому клубу «Пальмы пуштыни»? – Макс не понял, откуда исходили звуки.

Потом Макс осознал, что, кроме него, никто не глазееет на инопланетянина; тогда он медленно побрел дальше, время от времени поглядывая назад. Это вскоре привело к тому, что он налетел на одного из прохожих.

– Ой, простите меня, пожалуйста! – испуганно выпалил Макс. Незнакомец внимательно поглядел на него.

– Поосторожней, браток. Ты же теперь в большом городе.

После этого Макс старался быть внимательнее.

Он собирался сразу найти дом гильдии Великого братства астронавигаторов, в отчаянной надежде на то, что даже без дядиных книг и удостоверения личности он сможет доказать, кто он такой, и узнать, успел ли дядя Чет позаботиться о его будущем. Однако вокруг было столько интересного, что он засмотрелся и забыл о времени. Спустя какое-то время Макс оказался перед фасадом Имперского дома, отеля, который гарантировал постояльцам любые комбинации давления, температуры, освещения, атмосферы, псевдогравитации и питания, подходящие всем известным видам разумных существ. Он поошивался некоторое время неподалеку, в надежде увидеть кого-либо из постояльцев, но единственный, появившийся из отеля за время ожидания, выкатился в самоходной цистерне высокого давления, заглянуть внутрь которой не было никакой возможности.

Он заметил, что охранник, стоящий у двери отеля, поглядывает на него, и двинулся было дальше, но потом решил спросить, в какую сторону идти, рассуждая, что если уроженец созвездия Близнецов мог расспрашивать полицейского, то, конечно же, и человек может сделать то же самое. И с удивлением обнаружил, что прямо цитирует инопланетянина.

– Простите, пожалуйста, сэр, вы не могли бы сказать мне, как пройти к гильдии астронавигаторов?

Полицейский оглядел Макса.

– В конце авеню Планет, перед самым портом.

– Мм... а в какую...

– Недавно здесь?

– Ага. Да, сэр.

– И где ты остановился?

– Остановился? Да пока еще нигде. Я только что сюда приехал. Я...

– А какие у тебя дела в гильдии астронавигаторов?

– Это по поводу моего дяди, – жалко пробормотал Макс.

– Твоего дяди?

– Он... он астронавигатор. – Опустив слово «был», Макс мысленно скрестил пальцы.

Полицейский вновь оглядел его.

– Отправляйся на этой дорожке до ближайшего перекрестка, там перейди на другую, идущую на запад. Это большое здание со знаком гильдии – изображением солнца над входом. Мимо не пройдешь. Только держись подальше от запретных зон.

Макс двинулся, не дав себе труда выяснить, каким, собственно, образом он должен догадываться, куда запрещен вход. Найти дом гильдии и вправду оказалось просто; бежавшая на запад движущаяся дорожка нырнула под землю, а когда она вновь вынырнула и пошла на поворот в обратную сторону, Макс оказался прямо перед нужным ему зданием.

Но глядел он не на него. На запад, где кончалась авеню и не было больше домов, растянулась площадь космопорта, а на ней – космические корабли, миля за милей. Маленькие проворные стрелы боевых кораблей; тупорылые лунные шаттлы; крылатые работяги, которые обслуживают орбитальные станции; автоматические грузовики, мощные и неуклюжие. А прямо напротив входа, не более чем в полумиле от него, стоял огромный корабль, который он узнал с первого взгляда, – звездный корабль «Асгард». Он знал его историю, на нем служил дядя Чет. Сотню лет назад его построили в космосе, это был корабль системы «космос – космос», не сядившийся ни на какую планету, только тогда он назывался «Принц Уэльский». Прошли годы, с него сняли ракетные двигатели, разожгли вместо них масс-конверсионный факел и дали ему новое имя: «Эйнштейн». Прошли еще годы, около двадцати лет он вращался

вокруг Луны – бесполезная, допотопная пустая скорлупа. Теперь на нем вместо факела стояли импеллеры Хорста – Конрада, отталкивающиеся от самой ткани пространства; благодаря им он смог наконец познакомиться с поверхностью матушки-Земли. В ознаменование нового рождения он получил имя «Асгард», в честь небесного обиталища богов.

Его грузная грушеподобная туша покоилась на более остром своем конце, поддерживаемая лесом невидимых издалека выдвижных опор. Макс догадался, где они проходят, поскольку вокруг них стояли кольцевые ограждения, чтобы кто-то по невнимательности не забрел в смертельно опасную зону.

Макс прижался носом к входным воротам космопорта, пытаясь получше разглядеть этот корабль. Через некоторое время его окликнул чей-то голос:

– Брысь отсюда, парень! Ты что, знака не видишь?

Макс поднял глаза. Над его головой висел знак «Запретная зона». Он с неохотой отошел от ворот и направился к зданию гильдии.

Глава 4

Гильдия астронавигаторов

Все в здании Великого братства представлялось глазам Макса роскошным, величественным и пугающим. Огромные двери при его приближении бесшумно раскрылись, уйдя куда-то внутрь стен. На покрытом мозаикой полу шагов было не слышно. Он двинулся вглубь длинного, высокого фойе, раздумывая, куда же идти теперь, когда его остановил твердый голос:

– Я могу быть вам чем-нибудь полезной?

Он повернулся. На него смотрела строгого вида очаровательная молодая женщина. Она сидела за столом. Макс подошел к ней.

– Мм... Может, вы можете сказать мне, мэм, к кому бы мне тут обратиться. Я, по правде говоря, не совсем точно знаю...

– Секунду. Пожалуйста, как ваша фамилия? – За несколько минут она вытащила из него все основные факты, связанные с его розысками. – Насколько я могу понять, вы не имеете здесь никакого статуса, а также и никакого повода обращаться в гильдию.

– Но я же вам рассказал, что...

– Не важно. Я передаю это в юридический отдел. – Она дотронулась до какой-то кнопки, и из стола поднялся экран. Глядя на экран, женщина произнесла: – Мистер Хэнсон, вы можете уделить минутку?

– Да, Грейс?

– Тут у нас один юноша, который считает, что наследственно принадлежит к гильдии. Вы можете с ним побеседовать?

– Слушай, Грейс, – ответил голос, – ты же знаешь, как это делается. Запиши его адрес, пошли его заниматься своими делами, а бумаги пришли сюда для рассмотрения.

Она нахмурилась и тронула другую кнопку. Теперь, хотя Макс и видел, что женщина продолжает говорить, он не слышал ни звука.

Поговорив, она кивнула, затем экран скользнул обратно в стол. Она тронула еще одну кнопку и позвала:

– Скитер!

Из двери за ее спиной выскочил мальчик-посыльный и оглядел Макса холодными глазами с головы до ног.

– Скитер, – продолжила она, – проводите этого посетителя к мистеру Хэнсону.

Посыльный фыркнул:

– Его, что ли?

– Его. А кроме того, застегните воротник рубашки и выкиньте куда-нибудь эту свою жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и передал его своему начальнику, главному юридическому советнику. Пришлось рассказывать в третий раз. Чиновник задумчиво побарабанил пальцами по столу, а затем поговорил с кем-то, так же, как Грейс, воспользовавшись глушителем звука.

Потом он повернулся к Макс:

– Сынок, тебе очень повезло. Достопочтеннейший Верховный секретарь соблаговолил уделить тебе несколько минут своего времени. Так вот, когда ты войдешь к нему, не садись, помни, что ты должен говорить только тогда, когда к тебе обращаются, и быстро удались, когда он скажет тебе, что аудиенция окончена.

По сравнению с кабинетом Верховного секретаря вся та роскошь, которая поражала Макса до этого, казалась строгим аскетизмом. Один ковер стоил не меньше, чем вся ферма, на которой вырос Макс. Нигде не было видно средств связи, документов, не было даже письмен-

ного стола. Верховный секретарь полулежал в огромных размеров кресле, слуга массировал ему затылок. При появлении Макса Верховный поднял голову и произнес:

– Входи, сынок. Садись сюда. Как тебя зовут?

– Максимилиан Джонс, сэр.

Они посмотрели друг на друга. Верховный секретарь увидел долговязого юнца, которому не помешали бы стрижка, ванна и приличная одежда; Макс увидел толстого коротышку в помятом мундире. Голова его казалась великовата для туловища, а что касается глаз, то Макс не мог решить однозначно – смотрят они сочувственно или холодно.

– И ты – племянник Честера Артура Джонса?

– Да, сэр.

– Я хорошо знал брата Джонса. Великолепный математик. – Верховный секретарь продолжил: – Я так понимаю, что ты имел несчастье потерять свое правительственное удостоверение личности. Карл.

Он не повышал голоса, однако в кабинете мгновенно появился молодой человек.

– Да, сэр?

– Сними отпечаток большого пальца этого юноши, свяжись с бюро идентификации – не здешним, а с главной конторой в Нью-Вашингтоне. Передай привет от меня начальнику бюро и скажи ему, что я буду крайне благодарен, если они произведут идентификацию, пока ты находишься у аппарата.

С Макса быстро сняли отпечаток, и человек по имени Карл ушел из кабинета. Верховный секретарь продолжил:

– Какова цель твоего приезда сюда?

Макс неуверенно объяснил, что дядя собирался представить его для ученичества в гильдии.

– Так я и думал, – кивнул Верховный секретарь. – Жаль разочаровывать тебя, юноша, но брат Джонс не сделал никаких представлений.

Макс с трудом осознал смысл такого простого утверждения. Его самолюбие настолько было связано с гордостью за профессию дяди, так много надежд возлагалось на то, что дядя назвал его своим профессиональным наследником... Поэтому Макс не мог так сразу принять приговор, что он – никто и ничто. Он выпалил:

– А вы совершенно уверены? Вы проверяли?

Массажист явно был шокирован, но Верховный секретарь ответил спокойно:

– Архивы были обследованы, и не один раз, а дважды. Сомнений быть не может. – Он сел, сделал легкое движение рукой, и слуга испарился. – Мне очень жаль.

– Но он же мне говорил, – набычился Макс. – Он говорил, что собирается.

– Тем не менее он этого не сделал.

Человек, снимавший отпечаток пальца, появился в кабинете и передал Верховному секретарю записку. Тот бросил на нее взгляд и жестом отослал его прочь.

– У меня нет ни малейших сомнений, что он думал о тебе. Представление кандидатуры в наше братство связано с серьезнейшей ответственностью; вполне обычна ситуация, когда бездетный брат в течение длительного времени присматривается к какому-либо подходящему парню, прежде чем решит, стоит он того или нет. По каким-то причинам твой дядя не назвал твоего имени.

Макс был потрясен унижительным предположением, что любимый дядя, возможно, счел его недостойным. Это не могло быть правдой – ведь как же, всего за день до своей смерти он говорил... Макс прервал свои мысли, чтобы сказать:

– Сэр, думаю, что я знаю, как это все случилось.

– Да?

– Дядя Честер умер внезапно. Он собирался назвать меня, но не имел такой возможности. Я совершенно в этом уверен.

– Возможно. Нередко человек не успевает привести в порядок свои дела, прежде чем выходит на последнюю орбиту. Однако я обязан исходить из предположения, что он знал, что делает.

– Но как же...

– Это все, юноша. Нет, не уходи. Я думал о тебе сегодня. – На лице Макса появилось изумление. Верховный секретарь улыбнулся и продолжил: – Видишь ли, ты – второй «Максимиллиан Джонс», явившийся к нам с этой историей.

– Как?

– Вот именно, как. – Он сунул руку в карман своего кресла, вытащил оттуда несколько книг и карточку удостоверения и протянул их Макс, который смотрел, не веря своим глазам.

– Книги дяди Чета!

– Да. Другой человек, старше тебя, вчера появился здесь с этими книгами и твоим удостоверением. Но у него было поменьше амбиций, чем у тебя, – сухо добавил Верховный. – Он был согласен на положение не столь высокое, как у астронавигатора.

– И что же вышло?

– Когда мы попытались снять у него отпечатки пальцев, он неожиданно исчез. Сам я его не видел. Но когда сегодня появился ты, мне уже стало интересно, сколько еще «Максимиллианов Джонсов» удостоят нас своим вниманием. В будущем береги получше эту карточку – я так понимаю, что мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

– Огромное спасибо, сэр.

Он начал засовывать книги в свой рюкзак, но Верховный жестом остановил его.

– Нет-нет! Верни, пожалуйста, эти книги.

– Так ведь дядя Чет подарил их мне.

– Очень жаль, но в самом крайнем случае он мог дать их тебе на время – и даже этого он не должен был делать. Орудия нашей профессии не бывают личной собственностью – они выдаются каждому из братьев во временное пользование. Выходя в отставку, твой дядя должен был их вернуть, хотя некоторые братья из сентиментальных соображений не хотят с ними расставаться. Передай их, пожалуйста, мне.

Макс все-таки медлил.

– Да ты сам подумай, – увещающе сказал чиновник, – разве годится, чтобы наши профессиональные секреты бродили неведомо где и были доступны кому угодно. Такого не допускают даже парикмахеры. На нас лежит огромная ответственность перед народом. Законным хранителем этих руководств может быть только член нашей гильдии, который прошел обучение, тренировку, проверку, принял присягу и был принят.

Ответ Макса был еле слышен.

– Да что же в этом плохого? Похоже, я и так не смогу ими пользоваться.

– Но ты, конечно же, не являешься сторонником анархии? Все наше общество базируется на том, что важные секреты доверяются только тем, кто этого достоин. Но ты не грусти. Каждый из братьев, когда ему выдаются орудия его труда, оставляет казначею задаток. Я считаю, что, так как ты ближайший родственник брата Джонса, мы вполне можем возратить этот задаток тебе – за возвращение книг. Карл.

Молодой человек вновь появился в комнате.

– Деньги из депозита, пожалуйста.

Деньги были у Карла с собой. Создавалось впечатление, что он зарабатывает себе на жизнь тем, что всегда знает, что Верховный секретарь собирается пожелать. Макс неожиданно для себя обнаружил, что принимает внушительную пачку денег – больше, чем он когда-либо

в жизни видел; книги были взяты у него, прежде чем он смог придумать еще какое-либо возражение.

Похоже, что пора было уходить, однако Верховный вновь жестом подозвал его к своему креслу.

– Мне лично очень жаль тебя разочаровывать, но я лишь слуга моих братьев; у меня нет выбора. Однако... – Тут Верховный секретарь сложил кончики пальцев своих рук друг с другом. – Наше братство заботится о своих. В моем распоряжении есть средства для таких случаев. Ты не хотел бы пойти в обучение?

– В гильдию?

– Нет, конечно же нет! Мы не собираемся раздавать из соображений благотворительности членство нашего братства. Но обучение какой-либо приличной профессии – кузнеца, или повара, или портного – на твой выбор. Любой род занятий, не передаваемый по наследству. Братство поддержит тебя, заплатит за твое обучение и, если ученье хорошо пройдет, одолжит тебе деньги на вступительный взнос в гильдию.

Макс понимал, что должен с благодарностью принять это предложение. Ему бесплатно предлагали возможность, которую тысячи из кишящих на улице людей не получают никогда и ни на каких условиях. Однако непокорное чувство, заставившее его вылить на землю оставленное Сэмом рагу, сделало так, что щедрое предложение костью застряло у него в глотке.

– Конечно, большое спасибо, – ответил он тоном, граничащим с грубостью, – но я не думаю, что смогу это принять.

Верховный секретарь помрачнел.

– Вот как? Ну что ж, это твоя жизнь, тебе и жить. – Он щелкнул пальцами, появился посыльный, и Макса быстро вывели на улицу.

Он стоял на ступеньках здания гильдии и отрешенно размышлял, что же делать дальше. Теперь его не привлекали даже корабли, стоявшие на космодроме; у него подкатывали слезы, если он смотрел на них. Вместо этого он взглянул на восток.

В этом направлении, на небольшом от него расстоянии, некая подтянутая фигура стояла, небрежно облокотившись о мусорный бак. Когда глаза Макса остановились на этом человеке, тот выпрямился, бросил окурки на мостовую и направился к нему.

Макс взгляделся получше.

– Сэм!

Вне всяких сомнений, это был тот самый бродяга, который его обокрал, – хорошо одетый, гладко выбритый, – но все равно тот же самый Сэм. Макс торопливо пошел ему навстречу.

– Приветик, Макс! – поприветствовал его Сэм без малейшей тени смущения. – И как делишки?

– Мне бы нужно сказать, чтобы тебя арестовали!

– Тише, тише, говори поспокойнее. Ты привлекаешь к себе внимание.

Макс глубоко вздохнул и заговорил потише:

– Ты украл мои книги.

– Твои книги? Да они же не были твоими – я вернул их настоящим хозяевам. Ты что, хочешь, чтобы меня арестовали за это?

– Но ведь ты... И в любом случае ты...

За спиной Макса прозвучал голос, вежливый, твердый и официальный:

– Сэр, этот человек досаждал вам?

Макс повернулся и увидел полицейского. Он собрался было что-то сказать, но сразу прикусил язык, сообразив, что вопрос был адресован Сэму.

Сэм взял Макса за руку повыше локтя жестом покровительственным и отеческим; хватка тем не менее была твердой.

– Да нет, офицер, все в порядке. Спасибо.

– Вы совершенно в этом уверены? Мне передали, что этот мальчонка двигается в эту сторону и чтобы я малость приглядывал за ним.

– Это мой друг. Я его здесь ждал.

– Как знаете. У нас уйма хлопот с бродягами. Похоже, все они так и рвутся в Земпорт.

– Он не бродяга. Это мой молодой друг из провинции; боюсь, он тут немного запутался. Я за него отвечаю.

– Очень хорошо, сэр. Спасибо.

– Совершенно не за что. – Макс позволил Сэму увести себя. Когда они были вне слышимости полицейского, Сэм сказал: – Едва пронесло. Этот въедливый придурок засунул бы нас обоих в каталажку. Ты, парень, правильно сделал, что в нужный момент не стал распускать язык. – Свернув за угол, он отпустил наконец руку Макса и широко ухмыльнулся. – Ну так что, парень?

– Мне надо было сказать ему все про тебя.

– И что ж ты молчал? Он же стоял перед тобой.

Макса разрывали противоречивые чувства. Само собой, он злился на Сэма, однако его первой, непосредственной реакцией при виде бродяги было теплое чувство, которое испытываешь, увидев знакомое лицо в толпе чужих; злость пришла на какую-то долю секунды позднее. Теперь Сэм смотрел на него с легким цинизмом, по лицу его блуждала насмешливая улыбка.

– Ну так что же, парень? – повторил он. – Если ты и вправду хочешь сдать меня, пошли назад и покончим с этим. Я не убегу.

Макс бросил на Сэма раздраженный взгляд:

– Ой, ладно, забудем!

– Спасибо. Мне жаль, парень, что так вышло, честно, жаль.

– Тогда зачем ты это сделал?

Лицо Сэма неожиданно приобрело печальное, отстраненное выражение, потом на нем вновь появился тот же жизнерадостный цинизм.

– Меня ввела в соблазн одна идея, старик, – у каждого человека есть свои пределы. Когда-нибудь потом я тебе все расскажу. А теперь – как насчет того, чтобы поработать челюстями и почесать языками? Тут неподалеку есть местечко, где можно потрепаться без посторонних ушей.

– Не знаю, хочу ли я.

– Да брось ты кочевряжиться. Еда там не бог весть что, но все-таки лучше моего супчика.

Макс был готов произнести выпренную речь о том, почему он не стал сдавать Сэма в полицию, и о том, почему у него нет ни малейшего желания разделить с Сэмом обед; однако при упоминании о супчике осекся. Он со смущением вспомнил, что Сэм не стал интересоваться его моральными устоями, а просто поделился своей пищей.

– Ну... ладно.

– Вот это то, что я называю «правильный парень».

Они пошли по переулку. Этот район принадлежал к разновидности, которую можно найти поблизости от порта в любом портовом городе; как только они свернули с помпезной авеню Планет, толпа стала гуще, шумнее, оживленнее и вроде как-то теплее и дружелюбнее, несмотря на сильный душок «не выпускай кошелек из рук». Крохотные портняжные мастерские, маленькие ресторанчики, не слишком сверкавшие чистотой, дешевые гостиницы, сомнительные игорные заведения, какие-то притоны, выставки, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, театрики с аляповатыми афишами, из чьих дверей просачивались звуки музыки, букмекерские конторы, притворяющиеся магазинчиками, астрологические салоны, притворяющиеся тату-салонами, и, конечно же, неизбежная миссия Армии спасения придавали этому переулку аромат, которого не хватало его более пристойным родственникам.

Марсиане в респираторах и темных очках со стеклами в форме листьев клевера, гуманоиды с Беты Ворона III, какие-то твари с внешними скелетами, Аллах знает откуда, – все они толкались в одной толкучке с людьми всевозможных цветов и оттенков, и все сливались в легкое, непринужденное братство.

Сэм остановился перед заведением с древним традиционным знаком трех золотых шаров⁷.

– Подожди здесь малость. Я сейчас.

Макс ждал, глаза на толпу. Вскоре Сэм снова появился, но без своего плаща.

– Ну, теперь мы можем и поесть.

– Сэм, ты что, заложил свой плащ?

– Возьми с полки пирожок. Как это ты догадался?

– Но ведь... Слушай, я же не знал, что ты на мели, у тебя такой процветающий вид. Забери его назад, я... я заплачу за обед.

– Надо же, это очень мило с твоей стороны, парень. Но выкинь это из головы. При здешней погоде лишняя шкура мне ни к чему. Точно. Я так вырядился просто для того, чтобы произвести хорошее впечатление – как бы это сказать, в связи с одним небольшим делом.

– Но откуда ты... – начал было Макс и сразу смолк.

Сэм ухмыльнулся.

– Ты хочешь спросить, не спер ли я весь этот прикид? Нет. Я просто повстречал одного гражданина, полного веры в проценты вероятности, и втянул его в дружественную азартную игру. Запомни, парень, никогда не делай ставки по этим самым процентам, умение гораздо важнее. А вот мы и пришли.

В зале, выходящем на улицу, был бар, в глубине находился ресторанчик. Сэм провел Макса через ресторан, через кухню, затем вдоль коридора, в комнатах по обеим сторонам которого шла игра в карты. В конце этого коридора был расположен меньший, не такой претенциозный ресторанный зал; Сэм выбрал столик в углу. К ним, приволакивая одну ногу, пришаркал огромного роста самоанец. Сэм поприветствовал его кивком.

– Приветик, Перси. – Затем он повернулся к Максусу. – Для начала по одной?

– Да я, пожалуй, не буду.

– Очень правильно. И не пробуй эту гадость. Перси, мне ирландский, и нам обоим – что у вас там есть на обед.

Самоанец молча продолжал стоять. Сэм пожал плечами и выложил на стол деньги. Перси их сгреб.

– Но я же собирался сам заплатить, – неуверенно возразил Макс.

– Можешь заплатить за обед. Перси – хозяин этого заведения, – добавил Сэм. – Он непристойно богат, но не думай, что он стал таким, доверяя типам вроде меня. А теперь расскажи, старик, о себе. Как ты сюда попал? Как ты там побеседовал с этими астронавигаторами... вообще все. Что, закололи они упитанного тельца?

– Да вроде нет.

Макс не видел, почему бы ему не рассказать все Сэму; кроме того, он вдруг почувствовал, что ему очень хочется говорить. Когда он окончил рассказ, Сэм кивнул.

– Чего-то в этом роде я и ожидал. У тебя есть какие-нибудь планы?

– Нет. Сэм, я не знаю, что мне теперь делать.

– Хм... Плохо лететь по ветру, никуда не сворачивая. Ешь свой обед, а я подумаю.

Через некоторое время он добавил:

– Макс, а чем бы ты хотел заняться?

– Ну... я хотел быть астронавигатором...

⁷ Три золотых шара – традиционная вывеска ростовщиков.

- Об этом нет смысла и говорить.
- Понимаю.
- Ты мне скажи: ты хочешь быть навигатором и никем другим или ты просто хочешь полететь в космос?
- Знаешь, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.
- Ну так подумай.
- Макс подумал.
- Я хочу в космос. Даже если я не могу попасть туда в качестве навигатора, я все равно хочу – все равно кем. Но я не знаю как. Гильдия астронавигаторов была единственным местом, где у меня был хоть какой-то шанс.
- Есть всякие способы.
- Чего? Ты имеешь в виду – подать заявление на эмиграцию?
- Сэм покачал головой.
- Чтобы попасть в одну из приличных колоний, надо значительно больше денег, чем ты можешь собрать, а попасть в те, куда можно бесплатно, я не пожелал бы и злейшему своему врагу.
- На что же ты тогда намекаешь?
- Сэм ответил не сразу.
- Есть всякие способы провернуть это, старик, если ты будешь меня слушаться. Этот самый твой дядя – ты много с ним общался?
- Конечно.
- И он рассказывал тебе про космос?
- Конечно же. Больше мы с ним ни о чем и не говорили.
- Хм... Насколько хорошо ты знаешь космический жаргон?

Глава 5

«...Твои деньги и мое умение...»

– Жаргон? – удивился Макс. – Я знаю, наверное, примерно то же, что и любой другой.

– Где находится беспокойная нора?

– Чего? Это центр управления.

– А если жулику нужен труп, где он его возьмет?

Тут Макс откровенно развеселился.

– Это же все просто чушь из СВ-сериалов, на борту никто так не разговаривает. Повар – это повар, и, если ему потребуется кусок говядины, он пойдет за ним в морозилку.

– А чем отличается животное от скотины?

– Ну, скотина – это пассажир, а животное, наверное, – это просто животное.

– Если, скажем, ты на корабле, идущем на Марс, и вдруг объявили, что гикнулась силовая установка и корабль идет по спирали прямо к Солнцу. Что бы ты подумал?

– Я подумал бы, что какой-то шутник пытается меня перепугать. Во-первых, я не мог находиться «на» корабле, а только «в». Во-вторых, спираль не относится к возможным орбитам. В-третьих, если корабль направлялся с Земли на Марс, он не мог бы упасть на Солнце: эти орбиты несовместимы.

– Ну а если ты – член команды корабля, находишься в чужом порту и хочешь прогуляться, познакомиться с местными достопримечательностями. Каким образом ты пойдешь к капитану за разрешением?

– Зачем? Я не буду этого делать.

– Ты просто смоешься с корабля?

– Дай мне закончить. Если я захочу прошвырнуться, я спрошу разрешения у первого помощника, капитан не занимается такой ерундой. А если корабль достаточно большой, я сперва спрошу разрешения у начальника своей секции. – Макс сел и пристально посмотрел на Сэма. – Сэм, ты же бывал в космосе. Правда ведь?

– Как такая глупая мысль пришла тебе в голову, парень?

– Из какой ты гильдии?

– Заткнись, Макс. Кто не спрашивает, тому не соврут. Может, я все это изучил по чужим разговорчикам, так же как ты.

– Я тебе не верю, – резко сказал Макс. Лицо Сэма болезненно искривилось. Макс продолжил: – Так к чему все это? Ты задаешь мне уйму глупейших вопросов. Конечно же, я про космос кое-что знаю: я читал о нем всю свою жизнь и дядя Чет рассказывал мне целыми днями напролет. Но что с того?

Сэм поглядел на него и тихо произнес:

– Макс, «Асгард» уходит в следующий четверг к звездам. Ты хотел бы в нем оказаться?

Макс подумал. Быть в сказочном «Асгарде», лететь к звездам... Он отбросил эти видения в сторону.

– Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что я отдал бы за это свою правую руку. Зачем меня дразнить?

– Сколько у тебя денег?

– А? А что?

– Сколько?

– У меня даже не было времени их сосчитать. – Макс начал было вытаскивать из кармана пачку, но Сэм торопливо остановил его.

– Тсс! – сказал он. – Не размахивай деньгами в этом месте. Хочешь есть через дырку в горле? Держи их под столом.

Пораженный Макс выполнил указание Сэма. Еще больше его поразил результат подсчета денег; он понимал, что ему дали их много, но чтобы столько – у него этого и в мечтах не было.

– Так сколько же? – настаивал Сэм. Макс сказал ему, и Сэм тихо выругался. – Ну что же, этого как раз примерно хватит.

– На что хватит?

– Увидишь. А пока спрячь их подальше.

Спрятав деньги, Макс произнес несколько удивленно:

– Сэм, я и подумать не мог, что эти книги так много стоят.

– Да ничего они не стоят.

– Что?

– Это все лапша на уши идиотам. Так поступают многие гильдии. Они делают вид, что их профессиональные секреты – прямо-таки драгоценность, и для этого заставляют кандидата выложить кругленькую сумму за справочники. Если бы эти штуки публиковались обычным образом, они стоили бы куда меньше.

– Но ведь это правильно. Как мне объяснил достопочтеннейший Верховный секретарь, не годится, чтобы этими познаниями мог распоряжаться первый встречный.

Сэм издал малопрстойный звук и сделал вид, что сплевывает.

– А какая разница? Ну вот были бы они все еще у тебя, ну и что? У тебя же нет корабля, которым можно управлять.

– Но ведь... – Макс прервал фразу на полуслове и ухмыльнулся. – В любом случае ничего не изменилось от того, что они забрали у меня эти книги. Я же их читал, так что теперь знаю, что там в них.

– Знаешь, конечно знаешь. Ты, возможно, даже запомнил некоторые методы. Но у тебя нет всех этих колонок цифр, чтобы находить ту, которая тебе нужна тогда, когда она тебе нужна. Больше всего они беспокоятся как раз об этом.

– Да есть они у меня! Я же тебе сказал, что я их читал. – Макс наморщил лоб и начал цитировать: – Страница двести семьдесят два. Численное решение дифференциального уравнения движения методом Рикардо... – И он пошел выдавать последовательность семизначных чисел. Сэм слушал его со все растущим удивлением, а затем прервал:

– Парень, ты что – действительно все это помнишь? Ты не дуришь меня?

– Конечно нет, ведь я же читал все это!

– Да чтоб меня!.. Слушай, ты что, из этих, которые читают страницу с одного взгляда?

– Нет, не совсем так... Я читаю быстро, но мне нужно действительно читать. Но я ничего не забываю. Я никогда не мог понять, как это другие забывают. Я-то сам не могу ничего забыть.

Сэм удивленно покачал головой.

– Я вот сумел позабыть многие вещи, хвала небесам. – На несколько секунд он погрузился в размышления. – Может, нам стоит позабыть о нашем дельце и начать эксплуатировать твои способности?

– Что ты имеешь в виду? И что за дельце?

– Мм... пожалуй, нет. Первый план куда лучше. Идея в том, чтобы убраться отсюда. А с твоей чудной памятью наши шансы значительно улучшаются. Хотя ты пользуешься жаргоном вроде бы вполне свободно, все равно я беспокоился. А теперь – нет.

– Сэм, кончай говорить загадками. Что это ты задумал?

– Ну ладно, парень, я выложу тебе все. – Он осторожно оглянулся по сторонам, наклонился к Максy и заговорил еще тише: – Мы берем эти деньги, и я распределяю их по нужным рукам. В результате к моменту взлета «Асгарда» мы будем зачислены в его команду.

– Как стажеры? У нас же не будет времени пройти наземную школу. Да и ты к тому же слишком стар для стажера.

– Шевели мозгами получше! У нас не хватит даже на один вступительный взнос, не говоря уж о двух, в любую из космических гильдий. Да и вообще «Асгард» не берет стажеров. Мы будем опытными профи, членами одной из гильдий, и все это будет подкреплено документами.

Макс был потрясен, когда до него дошел смысл сказанного.

– Но за это сажают в тюрьму!

– А где ты, по-твоему, находишься?

– Во всяком случае, не в тюрьме. И не собираюсь.

– Да вся эта планета – одна большая тюрьма. И вдобавок переполненная. Ну какие у тебя шансы в жизни? Если ты не родился либо богатым, либо в одной из наследуемых гильдий, что ты можешь сделать? Только подрядиться в какую-нибудь трудовую компанию.

– Но есть же и ненаследуемые гильдии.

– А ты можешь заплатить взнос? Тебе остался год, может – два, а потом ты будешь слишком стар, чтобы быть стажером. Если хорошо уметь мухлевать в карты, можно и успеть накопить эти деньги, а заработать? На это уйдет вся твоя жизнь! Эти деньги должен был скопить твой старик, а он оставил тебе вместо этого ферму. – Сэм вдруг прервался и задумчиво укусил свой палец. – Макс, я буду с тобой честен. Твой старик все-таки обеспечил тебе хороший старт. С теми деньгами, что у тебя теперь есть, ты вполне можешь вернуться домой, нанять адвоката попрыгивее и, вполне возможно, вытащить из этого экспоната Монтгомери деньги, которые он жульнически получил за твою ферму. Тогда тебе хватит на вступительный взнос в какую-нибудь гильдию. Сделай это, парень, сделай, я у тебя на пути стоять не буду. – Он испытующе глядел на Макса.

Макс думал о том, что всего несколько часов назад он отказался от возможности получить профессию бесплатно. Может, стоит передумать. Может быть...

– Нет! Это не то, что мне нужно. А эта самая твоя... идея – как мы все это устроим?

Сэм заметно расслабился и улыбнулся.

– Вот это молодец!

Сэм снял для них комнату над рестораном Перси и начал натаскивать Макса. Несколько раз он уходил куда-то – и деньги Макса уходили вместе с ним. Когда Макс попытался что-то возразить, Сэм устало сказал:

– Ну чего ты хочешь? Чтобы я оставил тебе в залог свое сердце? Или ты хочешь, чтобы мы пошли вдвоем и перепугали их до потери пульса? Люди, с которыми я должен переговорить, не собираются рисковать. А может, ты считаешь, что можешь и сам все это организовать? Твои деньги и мое умение – такое у нас будет партнерство.

Когда Сэм ушел первый раз, Макса грызли сомнения, но вскоре тот вернулся. Однажды Сэм привел с собой пожилую, грузную женщину, которая оглядела Макса так, словно тот был скотиной, выставленной на продажу. Сэм не стал ее представлять, а вместо этого спросил:

– Ну как? Я думаю, что тут пригодились бы усы.

Дама посмотрела на Макса с одной стороны, потом с другой. И твердо отрезала:

– Нет. Он будет похож на злодея из любительской постановки.

Она потрогала голову Макса холодными, влажными пальцами; когда он испуганно отпрянул, она посоветовала ему:

– Да не дергайся ты, сахарный ты мой. Тете Бекки предстоит над тобой потрудиться. Нет, мы сдвинем линию волос над висками, чуть проредим волосы на макушке и уберем их блеск. Добавим татуировкой несколько легких морщинок около глаз. Мм... пожалуй, и все. Главное – не перестараться.

Когда эта пузатая художница окончила свою работу, Макс стал выглядеть на добрых десять лет старше. Потом она спросила Макса, как он хочет – чтобы корни волос были убиты

или чтобы со временем волосы опять выросли? Сэм начал было настаивать на перманентности, однако она отодвинула его в сторону.

– Я дам ему пузырек «Чудо-роста» – без всякой платы, это же просто медицинский спирт, после него все вернется в норму. Ну как, годится это, сладкий? Такого хорошенького не хочется старить навсегда.

Макс принял от нее пузырек с надписью «Чудо-рост: или волосы восстанавливаются, или деньги возвращаются».

Сэм забрал у Макса его удостоверение личности и вернулся с другим. В этом новом удостоверении была правильная фамилия и неверный возраст, правильный номер и неверный род занятий, правильный отпечаток большого пальца и неверный адрес. Макс с любопытством осмотрел документ.

– Выглядит как настоящий.

– Еще бы! Человек, сделавший его, делает настоящие тысячами. Только за такие он берет дополнительную плату.

Тем же вечером Сэм принес откуда-то книгу с названием «Корабельная экономика». На ее переплете был рельефно оттиснут герб гильдии космических стюардов, поваров и бухгалтеров.

– Постарайся этой ночью не ложиться и запомни из нее, сколько сможешь. Даже с тем зельем, которое Перси подсыпал ему в стакан, ее хозяин не проспит больше десяти часов. Дать тебе таблетку, чтобы не уснуть?

– Да не надо. – Макс оглядел книгу. Она была довольно толстая и с мелким шрифтом. Но к пяти утра он ее дочитал. Макс разбудил Сэма, вернул ему книгу и лег спать с головой, гудящей от укладки и выемки груза, от расчетов распределения масс и моментов инерции, от методов гидропоники, грузовой документации, налоговых отчетов, диет, хранения и приготовления пищи, ежедневных, еженедельных и ежеквартальных отчетов и от рекомендаций, как выводить крыс в помещениях, которые невозможно освободить от персонала. Совсем ничего сложного, решил он, трудно было понять, почему такая ерунда считалась чересчур эзотеричной для непосвященных.

На четвертый день заточения Сэм снабдил Макса поношенной корабельной формой и вручил ему потертую трудовую книжку в пластиковой обложке. Первая страница этой книжки провозглашала Макса полноправным братом стюардов, поваров и бухгалтеров, достойно завершившим ученичество. Далее перечислялись освоенные им ремесла. Еще выяснилось, что он уже семь лет регулярно платит ежеквартальные членские взносы. Откуда-то взявшаяся его собственная подпись стояла рядом с подписью Верховного стюарда; обе они были скреплены печатью гильдии. Последующие страницы книжки были заполнены перечислением его рейсов, оценкой его эффективности и прочими аналогичными данными, все записи были надлежащим образом подписаны первыми помощниками и казначеями. Макс с интересом узнал про себя, что он был оштрафован на трехдневный заработок за курение в неподобающем месте во время полета на «Лебеде» и что однажды, заплатив за это соответствующий взнос гильдии картографов и вычислителей, проходил шестинедельное обучение с целью получить квалификацию картографа.

– Замечаешь тут нечто странное? – спросил Сэм.

– Мне тут все кажется странным.

– Тут сказано, что ты был на Луне. Все бывали на Луне. Только вот почти все корабли, на которых ты служил, уже списаны, и ни одного из твоих казначеев нет сейчас в Земпорте. А единственный звездный корабль, в котором ты совершал прыжок, пропал без вести в следующем же походе. Ясно тебе?

– Пожалуй, да.

– Когда ты будешь разговаривать с каким-нибудь другим астронавтом, на каком бы корабле он ни служил, ты служил на другом. Ведь ты же не будешь показывать свою книжку никому, кроме казначея и своего непосредственного начальника.

– А что, если кто-нибудь из них служил на одном из этих кораблей?

– На «Асгарде» этого не случится. Уж об этом-то мы позаботились. А теперь я выведу тебя в общество – на вечеринку. Ты пьешь исключительно теплое молоко по причине своей язвы и канючишь, если его нет. И ты почти ни о чем больше не разговариваешь – только о своих симптомах. Ты прямо сейчас же начинаешь создавать себе репутацию молчуна: ты не сможешь сильно накосячить, если пореже будешь раскрывать свой рот. Следи за собой, парень, получше – весь вечер ты будешь среди астронавтов. Если у тебя это пойдет сикось-накось, ей-богу, я верну тебя на Землю и полечу один. Дай-ка я еще погляжу, как ты ходишь.

Макс прошелся. Сэм тихо выругался.

– Ужас, ты так и продолжаешь ходить, как сельский дурачок. Да вытащи ты ноги из этой грязной борозды.

– Неужели совсем плохо?

– Что поделаешь, уж как есть. Хватай шапку. Будем ковать железо, пока горячо, а мосты за нами пусть горят синим пламенем.

Глава 6

«Астронавт» Джонс

«Асгард» стартовал на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, однако это оказалось непростой задачей. В конце концов тот сел.

– Господи, да что же это с головой! Сколько времени?

– Около шести.

– Шесть, и ты меня разбудил? Тебе повезло, что я в таком состоянии. Только оно мешает мне отправить тебя к твоим пращурам. Спи.

– Но сегодня же старт!

– Ну и что? Старт в полдень. Мы заявимся в последнюю минуту; таким образом у тебя будет меньше шансов облажаться.

– Сэм? Откуда ты знаешь, что они вообще нас возьмут?

– Да бога ради, какой же ты зануда! Все же договорено. А теперь заткнись. Или иди вниз и завтракай – только ни с кем не разговаривай. И если ты настоящий друг, принеси мне кофе в десять.

– И завтрак?

– Не упоминай про пищу в моем присутствии. Прояви хоть какое-то сострадание.

Когда они появились у ворот порта, было уже полдвенадцатого; десять минут спустя автобус высадил их у основания корабля. Макс начал было глазеть на огромные, вздувающиеся борта, однако это его занятие было прервано человеком, стоявшим около подъемника с листом бумаги в руках.

– Фамилии?

– Андерсон.

– Джонс!

Он отметил их в списке.

– В корабль. Вы обязаны были быть здесь еще час назад.

Вместе с ним они залезли в подъемник, клетка которого тут же оторвалась от бетона и пошла вверх, раскачиваясь на подвеске, как ведро в колодце.

Сэм поглядел вниз и зябко поежился.

– Никогда не уходи в рейс в бодреньком состоянии, – порекомендовал он Максусу. – А то можешь пожалеть, что улетаешь.

Клетку втянули в корабль, люк закрылся, и они вступили на палубу «Асгарда». Макса пробирала дрожь, как артиста перед первым выходом на сцену.

Он ожидал, что сейчас первый помощник примет у него присягу на верность команде корабля, как того требовал закон. Но прием был удручающе бесцеремонным. Человек, встретивший их у корабля, сказал, чтобы они шли за ним, и привел их в офис казначея. Там главный клерк, зевая и клацая своими лошадиными зубами, велел им расписаться и поставить отпечатки пальцев в толстой книге. Макс отдал ему свою поддельную трудовую книжку. Ему все время казалось, будто на ней огромными буквами стоит «фальшивка». Однако мистер Койпер попросту бросил ее в корзину для входящих бумаг. Затем он повернулся к ним.

– На этом корабле всегда полный порядок, – сообщил он им устало. – Вы начинаете с того, что чуть не опоздали к старту. Худое начало.

Сэм не ответил ничего. Макс сказал:

– Да, сэр.

Главный клерк продолжал:

– Кидайте свои шмотки, ешьте и доложите. – Он взглянул на висевшую на стене схему. – Один из вас будет в Г – сто двенадцать, а другой в Д – ноль-ноль девять.

Макс хотел было спросить, как туда добраться, но Сэм взял его за локоть и осторожно вытащил из офиса. Оказавшись за дверью, он сказал:

– Не задавай вопросов, если без этого можно обойтись. Сейчас мы на палубе «Б», и это все, что нам нужно знать.

Пройдя немного, они обнаружили трап и пошли по нему вниз. Макс ощутил неожиданное изменение давления воздуха. Сэм усмехнулся.

– Корабль запечатан. Теперь скоро.

Они были в Г-112, кубрике на восемь человек, и Сэм показывал Макс, как пользоваться наборным замком единственного свободного шкафчика, когда раздался сигнал, разнесенный громкоговорителями. У Макса на мгновение закружилась голова и появилось ощущение, словно его вес пульсирует. Затем все это прекратилось.

– Они малость задержались с синхронизацией поля – или у этого ведра с болтами плохо сбалансирован фазер. – Он хлопнул Макса по спине. – Мы сделали это, парень.

Они были в космосе.

Д-009 был еще на одну палубу ниже и на другой стороне; они оставили там вещи Сэма и пошли искать, где на этом корабле едят. Сэм остановил проходившего мимо помощника инженера.

– Эй, друг, мы тут в первый раз. Где у вас кают-компания для команды?

– На этой палубе, градусов восемьдесят по часовой стрелке и малость внутрь. – Он оглядел их. – В первый раз, говоришь? Что ж, скоро все сами увидите.

– Что, так плохо?

– И еще хуже. Дурдом в квадрате. Не будь у меня жены, остался бы дома. – И он зашагал дальше.

Сэм сказал:

– Не обращай внимания, парень. На каждом корабле старожилы рекламируют его как худший из сумасшедших домов во всем космосе. Предмет гордости.

Однако следующее их столкновение с местным бытом, похоже, подтвердило мрачное предсказание: оказалось, что раздаточное окно кают-компании закрылось в полдень, со стартом корабля; Макс уже скорбно смирился с тем, что придется затянуть пояс до ужина. Однако Сэм вошел в камбуз и через некоторое время появился оттуда с двумя наполненными подносами. Они отыскивали свободные места и сели.

– Как это у тебя получилось?

– Любой повар тебя накормит, если ты только дашь ему возможность сперва объяснить тебе, какая ты есть гнида и почему ему, вообще говоря, не стоило бы этого делать.

Еда была приличная – настоящие говяжьи отбивные, овощи, ржаной хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро смел все со своих тарелок и стал размышлять, не рискнуть ли ему попросить добавки, однако решил, что не стоит. Разговор за столом шел о том о сем: только один раз появилась опасность, что выявится неопытность Макса, это когда какой-то вычислитель напрямую спросил его про последний совершенный им рейс.

Опасность отвел Сэм.

– Имперская разведка, – коротко ответил он. – Мы оба пока еще под колпаком.

Вычислитель понимающе ухмыльнулся.

– И в какой же тюрьме вы сидели? Совет империи уже много лет не посылал секретных разведывательных экспедиций.

– А эта была такой секретной, что они даже тебе позабыли о ней сообщить. Ты напиши им письмо и хорошенько их за это взгрей. – Сэм встал из-за стола. – Макс, ты уже закончил?

По пути в офис казначея Макс с беспокойством размышлял о своих возможных будущих обязанностях, перебирая в уме те навыки и опыт, которыми он, если верить трудовой книжке,

должен был обладать. Беспокойство его оказалось совершенно напрасным. Мистер Койпер с великолепным пренебрежением ко всей этой писанине назначил его скотником.

«Асгард» был комбинированным кораблем – одновременно пассажирский лайнер и транспортник. На его борту был племенной херефордский скот – два быка и две дюжины коров, а также богатейший ассортимент прочих животных, в которых по экономическим или экологическим причинам нуждались колонии, в том числе свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз и семейство лам. Насаждать предпочтительно земную фауну на других планетах – это противоречило имперской политике; от колонистов ожидалось, что они будут строить экономику, опираясь на эндогенную фауну и флору; однако некоторые животные столь долго разводились людьми для своих нужд, что заменить их экзотическими тварями было нелегко. На Гамме Льва VI (б), Новом Марсе, ящерообразные, называвшиеся на местном лексиконе «тупомордами», или, короче, «тупами», могли заменить и действительно заменяли першеронов в качестве тяглового скота, обеспечивая при этом более высокую эффективность и экономичность. Но людям они не нравились. С ними никогда не было привычного взаимного доверия, которое возникает между лошадьми и людьми; если только какая-нибудь ветвь этих ящеров не разовьет хоть в некоторой степени способность к взаимопониманию с человеком (что казалось маловероятным), они обречены со временем на вымирание и замену лошадьми. И все это – за смертный грех неумения заключить прочный союз с наиболее хищным, нетерпимым, смертельно опасным и процветающим зверем в исследованной части Вселенной – с человеком.

Еще была клетка с английскими воробьями: Макс так никогда и не выяснил, на какой планете потребовались эти маленькие шумные мусорщики; не был он знаком и со сложным математическим анализом, на основании которого делались заключения по таким поводам. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в их клетке.

На «Асгарде» были и коты, однако большинство из них были свободными гражданами и равноправными членами экипажа; в их обязанностях было не давать сильно расплодиться мышам и крысам, отправившимся в космос вместе с представителями человечества. Одной из обязанностей Макса было менять ящики с песком на всех палубах и относить перепачканные в окислитель на обработку. Были и домашние коты, принадлежавшие пассажирам, несчастные пленники, заключенные в клетках, неподалеку от стойл скота. Здесь же проживали и собаки пассажиров; собакам не разрешалось бегать на свободе.

Максу очень хотелось поглядеть на Землю: как сжимается ее шарик в черной, бездонной пустоте, однако такая привилегия предоставлялась исключительно пассажирам. То краткое время, когда это было возможно, он провел, таская в охапке свеженакошенную тимофеевку с гидропонной плантации очистки воздуха в стойла и чистя вышеуказанные стойла. К работе этой он отнесся безразлично – и без ненависти, и без любви; по случайности ему поручили как раз такую работу, которую он понимал.

Непосредственным его начальником был главный стюард корабля, мистер Джордано. Мистер Джи разделял управление хозяйством корабля с мистером Дюпоном, главным пассажирским стюардом; их царства граничили по палубе «В». Таким образом, мистеру Дюпону принадлежали пассажирские помещения, каюты офицеров, офисы, центры управления и связи, в то время как Джордано отвечал за все, что ниже (то есть ближе к корме), не считая инженерного оборудования, – за кубрики команды, камбуз и кают-компанию, кладовые, стойла и клетки, гидропонную палубу и грузовые трюмы. Оба они подчинялись казначею, который, в свою очередь, был ответствен перед первым помощником.

Организация службы на космических кораблях что-то взяла от организации военных кораблей, что-то – от организации старинных океанских лайнеров, плюс накладывались конкретные условия межзвездных путешествий. Первый помощник был хозяином корабля; капитан, если у него хватало мозгов, не вмешивался в его дела. Он, капитан, хоть и был по закону монархом этого миниатюрного царства, глядел наружу; первый помощник глядел внутрь. Пока

все шло хорошо, капитан занимался исключительно центром управления и астронавигацией; всем остальным заправлял первый помощник. Даже астронавигаторы, связисты, вычислители и картографы подчинялись первому помощнику, хотя, когда они были на вахте, он практически не имел к ним никакого отношения, так как работали они в «беспокойной норе» под руководством капитана.

Старший механик также был под первым помощником, однако он был почти самостоятельным сатрапом. На подтянутом, хорошо дисциплинированном корабле он поддерживал свою латифундию в таком порядке, что у первого помощника не возникало необходимости о ней беспокоиться. Старший механик отвечал не только за силовую установку и импеллеры Хорста – Конрада, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни стояло, – например, за насосы и вентиляторы гидропонных установок, несмотря на то что непосредственно агрикультурой заведовал казначей через главного стюарда корабля.

Такова была обычная организация грузо-пассажирских звездных кораблей, одним из которых и был «Асгард». Она не совпадала с организацией боевых кораблей и столь же принципиально отличалась от организации угрюмых транспортов, которые доставляли в развивающиеся колонии нищих и осужденных, – на таких кораблях департамент казначей обычно ограничивался одним-двумя клерками, а всю работу выполняли пассажиры, они готовили пищу, прибирали, нагружали, разгружали – в общем, делали все. Но «Асгард» имел на борту платных пассажиров; состояние некоторых из них измерялось в мегабаках. Они хотели иметь обслуживание, как в пятизвездочном отеле, даже находясь в космосе на расстоянии многих световых лет. Из трех основных департаментов «Асгарда» – астронавигационного, технического и хозяйственного – последний значительно превосходил остальные по численности персонала.

Первый помощник может подняться до своего статуса из положения старшего астронавигатора, старшего механика или казначей; однако только при условии, что раньше он был астронавигатором, он может надеяться стать капитаном. Три этих типа офицеров были в своей основе математиками, физиками или бизнес-менеджерами; капитан обязан был иметь математическую подготовку для занятий астронавигацией. Первый помощник Уолтер раньше был казначеем, как это чаще всего и бывает на лайнерах.

«Асгард» был маленьким мирком, крошечной подвижной планетой. На нем имелся свой монарх – капитан, своя абсолютно бесполезная аристократия – пассажиры, свои технические и управляющие классы, свои штабеля лесов и цистерны морей. На нем были экологически сбалансированные флора и фауна, он нес свое собственное миниатюрное солнце, заключенное в недрах силовой установки. Хотя расписание его рейсов предусматривало пребывание в открытом космосе в течение всего нескольких месяцев за рейс, в принципе, он мог находиться там неопределенно долго. Конечно, у шеф-повара может кончиться икра, но недостатка в пище, воздухе, тепле и свете не возникнет никогда.

Макс решил, что ему повезло оказаться под началом мистера Джордано, а не главного клерка Койпера. Мистер Койпер все время присматривал за своими подчиненными, в то время как мистер Джи редко когда вытаскивал свою толстую тушу из кабинета-каюты. Это был веселый и приветливый начальник – если, конечно, все шло к полному его удовлетворению. Мистер Джи считал чрезмерным трудом спуск вниз, к стойлам; когда он пришел к убеждению, что Макс заботливо относится к животным и поддерживает порученный ему участок в чистоте, то бросил проверки и только приказал Макссу ежедневно являться к нему с отчетом. Таким образом, у Джордано оставалось больше времени, которое он мог посвятить своему истинному призванию – изготовлению некой разновидности водки на перегонном аппарате, стоявшем в уголке его каюты. Исходное сырье бралось с гидропонных плантаций, которые, что было весьма удобно, также находились в его ведении. Он развернул обширную нелегальную торговлю этим благородным продуктом среди команды. Макс редко открывал свой рот, но уши постоянно держал открытыми. В результате он разобрался, что такая деятельность на кораблях

была обычно прерогативой главного стюарда корабля. На нее смотрели сквозь пальцы, если придерживалась она в определенных рамках. На корабле была, естественно, кают-компания, где подавалось вино, а также и бар, но все это только для «скотов» – для рядовых членов экипажа эти заведения были недоступны.

– Как-то я служил на корабле, – сказал Максу Сэм, – где первый прикрыл это хозяйство: расшиб аппарат, послал стюарда мести палубу и вообще устроил скандал. – Он сделал паузу, чтобы затянуться сигарой, подаренной каким-то стюардом, обслуживающим пассажиров; они скрывались от начальства у Макса на скотном дворе, наслаждаясь отдыхом и болтовней. – Но это не сработало.

– Почему?

– А ты сам подумай. Силы должны уравнивать друг друга, старина. Любой спрос рождает предложение. В этом простом факте все и заключено. Уже через месяц в каждом более-менее укромном уголке корабля стоял аппарат, и команда настолько разболталась, что ни к черту не годилась. Так что капитан имел серьезный разговор с первым, после чего все опять пошло нормальным ходом.

Макс обдумал этот рассказ.

– Сэм? Ты что, был на этом корабле стюардом?

– Как? С чего это ты взял?

– Ну... Ты бывал в космосе и раньше, теперь ты от этого больше не отказываешься. И я подумал – ну вот, ты же мне так и не сказал, к какой гильдии ты принадлежал, и как оказался на мели, и почему тебе пришлось заниматься этими подделками, чтобы снова попасть в космос. Конечно, это все не мое дело...

Обычная Сэмова циничная улыбка сменилась выражением печали.

– Макс, с человеком, решившим, что он поймал судьбу за хвост, может случиться все что угодно. Взять хотя бы то, что произошло с одним моим дружкой по фамилии Робертс. Сержант имперского космического десанта, хороший послушной список, полдюжины звездных прыжков, пара боевых наград. Неглупый парень, почитывал книжки для экзамена на младшего офицера. Так вот, он как-то опоздал к старту – попал на Землю первый раз за не знаю сколько времени и малость перестарался, отмечая это дело. Надо было ему, конечно, сразу же явиться с повинной, сняли бы с него лычки и жил бы дальше, не так это и страшно. Беда была в том, что у него еще не кончилась капуста, а к тому времени, как он оказался без гроша и трезвый как стеклышко, было уже поздно. У него не хватило духу явиться, пройти через трибунал и отмотать срок. У каждого человека есть свой предел.

Подумав, Макс спросил:

– Ты хочешь сказать, что служил в космическом десанте?

– Я? Да ты что, конечно нет, я просто рассказал про этого Робертса, чтобы ты видел, что может случиться с тобой, если расслабишься. Поговорим лучше о чем-нибудь более приятном. Парень, что ты собираешься делать дальше?

– В каком смысле?

– Ну что ты собираешься предпринять после этого прыжка?

– А... Думаю, что опять то же самое. Мне нравится в космосе. Постараюсь ни во что такое не ввязываться и постепенно дослужиться до главного стюарда или главного клерка.

Сэм отрицательно потряс головой.

– Думай, сынок, лучше. Как ты это себе представляешь: что случится, когда отзыв о твоей службе на этом корабле придет в гильдию? А копия будет послана в Департамент труда и гильдий?

– Что?!

– Я тебе скажу – что. Может, сначала ничего такого и не произойдет; может, ты сможешь совершить еще один рейс. Но в конце концов все эти бюрократические шестеренки провер-

нутя, они сверят записи и с удивлением увидят, что, в то время как этот корабль держит тебя за опытного помощника стюарда, их картотеки знать не знают никакого Макса Джонса. Наступит такой день, когда после посадки на Землю внизу, у лифта, тебя будет ждать пара придурков с пушками на поясе, чтобы утащить тебя в каталажку.

– Но как же, Сэм? Я думал, что все устроено!

– Остынь, остынь. Погляди на меня, я же совершенно спокоен, а меня все это касается не меньше, чем тебя. А точнее говоря, по причинам, в которые мы не станем здесь вдаваться, – больше. Как говорится, кто старое помянет – вылетит, не поймает. А что касается «все устроено», то с этим все, как я и обещал. Ты же здесь? А картотеки... извини, старик, но, чтобы малость подправить картотеку гильдии, потребовалось бы раз в десять больше денег. Нужно выяснить, где в Нью-Вашингтоне лежит некий конкретный микрофильм, заменить его липовым, который подтвердит твой послужной список... Я, по правде говоря, даже не знаю, с чего тут и начать. Хотя, конечно, все можно сделать, если есть время, деньги и сноровка.

Шок, обрушившийся на Макса, был сравним с тем, что он испытал, когда Монтгомери объявил, что ферма продана. Несмотря на ту работу, которой ему приходилось заниматься на корабле, ему здесь нравилось, и не хотелось ничего менять. Он хорошо ладил с начальником, понемногу сходилась с товарищами по работе и чувствовал себя вполне уютно и безопасно, как мышка в норке. А теперь норку внезапно залило водой, а сам он, что хуже всего, оказался в мышеловке.

Макс побледнел. Сэм успокаивающе положил руку ему на плечо.

– Не мельтеши, парень! Тебя еще не кинули в трюм.

– В тюрьму...

– Какая еще тюрьма?! Ты в самой что ни на есть безопасности, пока не вернешься на Землю. В Земпорте ты спокойно можешь сделать «Асгарду» ручкой, имея притом в кармане свою зарплату. У тебя будет в запасе несколько дней или недель, а то и месяцев, прежде чем кто-нибудь устроит шухер – или в центре этой твоей гильдии, или в Нью-Вашингтоне. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов людей. Твое положение будет ничем не хуже, чем тогда, когда ты первый раз на меня наткнулся, – ты же помнишь, ты хотел тогда затеряться, помнишь? И у тебя в послужном списке будет один полет к звездам, о котором ты сможешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами. А может, они никогда и не вспомнят о тебе; какая-нибудь канцелярская крыса засунет твой отзыв в ящик, и будет он там лежать до скончания века. Или ты сумеешь убедить какого-нибудь клерка в конторе мистера Койпера нечаянно потерять копии этого отзыва и никуда их не посылать. Например, Нельсона – у него всегда какой-то голодный вид. – Говоря все это, Сэм внимательно глядел на Макса. Потом он добавил: – А то ты можешь сделать то же самое, что собираюсь сделать я.

Поначалу до Макса дошла только часть того, о чем говорил Сэм. Потом он повторно прокрутил в голове все услышанное и понемногу успокоился, начиная понимать, что положение его совсем не такое отчаянное. В том, что касается Нельсона, Сэм, похоже, был прав. Нельсон намекал уже обиняками, что совсем не обязательно оценки эффективности, стоящие в корабельных журналах, совпадают с теми, которые попадают в отчеты, – при определенных обстоятельствах. Макс отложил эту идею в сторону, она ему не понравилась, да и не имел он представления о том, как предлагать взятку.

Когда повторное воспроизведение в голове Макса дошло до последней ремарки Сэма, он встрепенулся:

– А что ты собираешься делать дальше?

Сэм внимательно разглядывал кончик своей сигары:

– Я собираюсь соскочить.

Идея Сэма была проста и понятна без объяснений. Однако по законам империи это было преступлением, которое влекло за собой даже более тяжелое наказание, чем подделка документов гильдии. Дезертирство почти уравнивалось с предательством.

– Продолжай, – хриплым голосом сказал Макс.

– Давай-ка переберем в уме, где у нас будут посадки в этом рейсе. Планета Гарсона, колония под куполом, как на Луне или на Марсе. В колонии под куполом ты либо делаешь то, что тебе приказывают власти, либо перестаешь дышать. Ты можешь даже спрятаться, получить новую личность, но все равно останешься под этим куполом. Хорошего мало, даже на Земле свободы больше. Четвертая планета Нью Пегаса, Альцион, совсем не дурна, хотя на ней и здорово холодно, когда она проходит афелий. Только вот она пока еще ввозит больше, чем вывозит. А это значит, что там всем заправляют имперцы и местные носом землю будут рыть, чтобы словить дезертира. Далее мы подходим к Новой Земле, десятая Беты Водолея, – а это, парень, как раз то, что доктор прописал и отчего поп пляшет.

– Ты там был?

– Один раз. И надо было там же и остаться. Макс, ты себе только представь место вроде Земли, но лучше, чем Земля вообще когда-нибудь была. Лучшая погода, земля обширнее и плодороднее, леса, которые сами просятся, чтобы их рубили, дичь, которая, считай, сама в кастрюлю прыгает. Не нравится тебе поселок – ради бога, иди себе дальше и дальше, пока не окажется, что никого рядом нет. Ткни в землю семечко и отпрыгивай сразу в сторону, чтобы ростком не зашибло. Никаких надоедливых насекомых. Практически никаких земных болезней, а местные микробы наше племя на дух не переносят. Стремительные реки. Спокойные океаны. Ты б только видел...

– А если они нас словят и выдадут?

– Мало шансов. Тамошние колонисты сами хотят иметь побольше людей и не будут помогать имперцам. Имперский совет тратит чертову уйму времени на то, чтобы просто собрать там налоги. Да они даже и пытаться не будут поймать дезертира за пределами больших городов, – тут Сэм ухмыльнулся, – и знаешь почему?

– Почему?

– А потому, что смысла нет. Пошлют какого-нибудь имперца, чтобы он упаковал и доставил беглеца, и вот он там рыщет и внезапно натывается на златовласую дочку фермера, которая смотрит на него во-от такими глазами. У них там в каждой семье по восемь-девять детей и всегда полно девиц в соку, которым замуж невтерпех. Так что малый быстренько становится владельцем ранчо, с женой, бородой и новой фамилией. Он же был холостяком и давно не был дома, а может, он женат на Земле и как раз из-за этого не хочет домой, хоть так, хоть сак, но даже Имперский совет не может бороться с человеческой натурой.

– Я не хочу жениться.

– Это твоя проблема. Но что самое приятное, на этой планете царит какая-то уютная расслабанность. За пределами городов нет налога на недвижимость. Никто не стал бы его платить; они бы просто снялись с места и пошли дальше, если только просто не пристрелили бы налогового инспектора. Никаких гильдий: ты можешь вспахать борозду, распилить доску, поездить на грузовике или нарезать резьбу на водопроводной трубе – и все в один день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать все, что ему заблагорассудится, и никто его не остановит, не скажет ему, что у него нет прирожденного права на это занятие, или что он недостаточно молод, чтобы начинать это делать, или что он не уплатил взнос. Колонистам плевать на эти формальности, у них больше работы, чем людей, которые могут ее делать.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог. Он такого никогда не видел.

– А как же гильдии, они разве не против?

– Какие там на фиг гильдии? Конечно же, руководство их там, на Земле, пыталось что-то возражать, узнав о таком безобразии, но их не поддержал даже Имперский совет. Они же не дураки – нельзя вычерпать море ложкой.

– И вот туда ты и собираешься направиться, – задумчиво сказал Макс. – Звучит заманчиво.

– Ну да. Так и есть. Там была одна девушка – о, теперь она, конечно же, замужем, они там рано замуж выходят, – но у нее были сестры. Ну вот так я себе это представляю, это касается и тебя, если ты тоже двинешь со мной. Так вот, в первый раз, как я выйду там на поверхность, я кое-кого повидаю. А в последний раз – я надеюсь, что это будет в последний вечер перед стартом, – я выйду из корабля, войду в кабак через парадный вход, выйду через черный – и рвану за горизонт, никто и охнуть не успеет. К тому времени, когда в журнале напишут: «Опоздал из увольнительной», я уже буду в сотне миль, лежать на пузе на берегу журчащего ручейка в девственном лесу, растить бороду и учить наизусть свое новое имя. Скажи только слово – и ты будешь сидеть рядом, на том же бережку, с удочкой.

Макс беспокойно заерзал. Сцена, нарисованная Сэмом, пробудила в нем деревенскую тоску по дому, о присутствии которой в себе он даже не подозревал. Но он не мог так быстро отказаться от взлелеянной им гордой фигуры астронавта.

– Я подумаю.

– Подумай, подумай. Времени у тебя для этого больше чем достаточно – несколько недель. – Сэм поднялся. – А я поспешу-ка лучше на место, пока старый добрый хозяин Дюмон не начал беспокоиться, где это я задерживаюсь. Пока, сынок, и не забывай. Плохо лететь по ветру, никуда не сворачивая.

Глава 7

Элдрет

Максу по служебным обязанностям нечего было делать на уровнях выше палубы «В», только менять кошачьи ящики с песком, а это он проделывал рано утром, когда пассажиры еще спали. Ему очень хотелось посмотреть центр управления, но случай не представлялся, центр находился еще выше, над пассажирской палубой. Время от времени кто-нибудь из владельцев одной из семи собак или трех кошек, находившихся на попечении Макса, заходил пообщаться со своим питомцем. Иногда результатом этого визита бывали чаевые. Поначалу упрямая деревенская гордыня заставляла Макса от них отказываться, но Сэм, узнав об этом, быстро вправил ему мозги.

– Не будь дураком, они же могут это себе позволить. Какой смысл отказываться?

– Но я же и так выгуливаю их шавок. Это же моя работа.

Может, слова Сэма и не убедили бы его, если бы мистер Джи не поднял разговора об этом в конце первой недели. Он, видимо, довольно точно представлял себе обычную величину улова и ожидал получить с него некий процент «в социальный фонд».

Когда Макс задал Сэму вопрос, что это еще за фонд, Сэм рассмеялся.

– Оч-чень интересный вопрос. Есть еще какие-нибудь вопросы?

– Пожалуй, нет.

– Макс, я тебя просто люблю. Но ты все еще не можешь сообразить, что с волками жить – по-волчьи выть. У каждого племени свои обычаи, и то, что хорошо в одном месте, никуда не годится в другом. Есть расы, в которых первая обязанность любящего сына – угробить своего папашу и подать его на обед, как только сынок наберется силенок для такого мероприятия. И это вполне цивилизованные расы. Их даже дипломатически признал Имперский совет. Вот как ты можешь оценить это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах – тихие, миролюбивые бнаторы, неуклюжие, богатые амфибии с Палдрона, которых можно было назвать какими угодно, только не тихими, вероятно, какие-нибудь еще... Он не ощущал себя вправе выносить суждение негуманоидным расам. Сэм продолжал:

– Я встречал в жизни таких стюардов, по сравнению с которыми наш Толстопуз выглядит филантропом. Взгляни на ситуацию с его точки зрения. Он считает все это прерогативой своего служебного положения, он считает эти деньги такой же естественной частью своего дохода, как и зарплата. Таков обычай. Он добился своего положения многими годами тяжелого труда и ожидает вознаграждения за это.

Сэм умеет убеждать, думал Макс, – и все же не мог согласиться с его основной предпосылкой. Есть вещи правильные, а есть неправильные, и это не зависит от того, где ты находишься, он ощущал это с внутренней убежденностью, укоренившейся в нем слишком глубоко, чтобы ее мог пошатнуть веселый цинизм Сэма. Макса беспокоило, что он находится там, где находится, благодаря мошенничеству; иногда он не мог уснуть, терзаемый угрызениями совести.

Однако еще больше его тревожило то, что обман может выйти наружу. Он ни на минуту не переставал обдумывать предложение Сэма.

Единственным внеземным существом на попечении Макса была паукообразная собака с Гесперы, планеты земного типа. В первый день исполнения своих обязанностей на «Асгарде» Макс обнаружил это существо в одной из клеток, предназначенных для кошек. Макс заглянул в эту клетку; на него смотрело маленькое, грустное, обезьяноподобное личико.

– Привет, человек!

Макс знал, что некоторые из паукообразных собак способны освоить человеческий язык в некотором объеме, но все равно от неожиданности отскочил. Несколько придя в себя, он осмотрел существо повнимательнее.

– Тебе привет, – ответил он. – Господи, да как же роскошно ты выглядишь!

На спине существа мех имел богатый, насыщенный зеленый цвет. Этот цвет переходил в оранжевый на боках и в нежно-кремовый на маленьком круглом брюшке.

– Хочу выйти, – констатировала паукообразная собака.

– Да не могу я тебя выпустить. У меня много работы.

Он прочитал прикрепленную к клетке карточку: «Мистер Чипс⁸. *Pseudocanis hexapoda hesperae*. Владелец: Мисс Э. Кобурн, А-092»; далее следовала подробная инструкция по питанию и уходу. Питался Мистер Чипс личинками, запас которых находился в отделении Н-118 морозильника, а также свежими фруктами и овощами – как в сыром, так и в вареном виде; в случае отсутствия водорослей и артишоков ему необходимо было давать йод. Макс покопался в своей памяти, перебрал то, что читал про этих существ, и решил, что инструкция верна.

– Пожалуйста, выпусти! – настаивал Мистер Чипс.

Трудно было устоять перед этой мольбой. Ни одна прекрасная дева, взывающая с башни, в которую ее заточили злодеи, не смогла бы вложить больше чувства в свой зов. Помещение, где находились кошачьи клетки, было тесным, и дверь его запиралась; возможно, Мистеру Чипсу позволительно будет малость побегать, но это потом, сейчас Макс надо было позаботиться о других животных.

Когда Макс уходил, Мистер Чипс держался за прутья клетки и тихо всхлипывал. Макс оглянулся и увидел, что тот плачет самыми настоящими слезами. Одна капля дрожала на кончике смешного маленького носа; уйти от этого зрелища было почти невозможно. Макс покончил со стойлами, а потом взялся за кошек и собак; когда они были накормлены, а клетки их вычищены, он смог уделить внимание своему новому знакомому. Для начала он его покормил, отчего плач прекратился. Однако, когда он вернулся, требования выпустить возобновились.

– Если я тебя выпущу, ты потом вернешься в клетку?

Паучок задумался. Было похоже, что условное предложение превосходит его семантические возможности, так как вместо ответа он повторил:

– Хочу выйти.

Макс решился рискнуть. Мистер Чипс вскарабкался к нему на плечо и стал рыться в его карманах.

– Конфета, – потребовал он. – Конфета?

Макс погладил его.

– Извини, друг. Я же не знал.

– Конфета?

– Нет конфеты.

Мистер Чипс лично это проверил, а затем устроился на сгибе Максовой руки, собираясь, похоже, провести здесь не менее недели. Он не очень походил, решил Макс, на собаку и уж совсем не был похож на паука; разве что шести лап было многовато. У двух передних были крохотные ладошки, а средние могли служить как руками, так и ногами. Больше всего существо напоминало обезьянку, а на ощупь – кошку. От него исходил легкий пряноватый запах, и он, похоже, был очень чистым.

Макс попытался втянуть Мистера Чипса в разговор, но быстро обнаружил, что интеллектуальные его возможности крайне ограничены. Не подлежало сомнению, что он осмысленно использует человеческие слова, однако словарь его был не богаче, чем у не слишком сообразительного двухлетнего ребенка.

⁸ Мистер Чипс – герой романа Джеймса Хилтона (1900–1954) «Прощай, мистер Чипс» (1934).

Попытка вернуть малыша в клетку вылилась в двадцать минут активных физических упражнений с ничейным результатом. Мистер Чипс метался над клетками, приводя кошек в истерику. Когда паучок наконец великодушно позволил себя поймать, он все равно продолжал сопротивляться попыткам заточить его в клетку, цепляясь за Макса и рыдая. Кончилось все тем, что Макс укачал его, как ребенка, и положил в клетку сонного.

Это было ошибкой. Прецедент был создан, и с этого дня Макс не позволялось покинуть помещение с клетками, не укачав дитяtko.

Он не понимал мисс Кобурн, упомянутую на карточке в качестве владелицы Мистера Чипса. Все владельцы кошек и собак приходили к своим питомцам, и только у Мистера Чипса посетителей не было. Мисс Кобурн рисовалась Максy как желчная старая дева с длинным иссохшим лицом, получившая животное в подарок перед отъездом и недовольная этим подарком. По мере роста дружбы с паукообразным щенком, воображаемый образ мисс Э. Кобурн становился все менее привлекательным.

«Асгард» был в космосе уже свыше недели, и оставалось всего несколько дней до первого пространственного скачка, когда Максy предоставилась возможность сравнить этот воображаемый образ с реальностью. Он чистил стойла, Мистер Чипс сидел на его плече и подавал советы, когда из помещения с клетками послышался резкий голос:

– Мистер Чи-ипс! Чипси! Ты где?

Паучок резко сел и повернул голову. Почти в тот же момент в дверях появилась молодая особа женского пола. Мистер Чипс взвизгнул: «Элли!» – и прыгнул хозяйке на руки. Пока они тискали друг друга, Макс присмотрелся. Шестнадцать, оценил он, может, семнадцать. А может, восемнадцать – кой черт, как можно в этом разобраться, когда женщины такое выделывают со своими физиономиями? Как бы там ни было, красавицей назвать ее было нельзя; выражение ее лица также мало помогало делу.

Девушка взглянула на Макса и нахмурилась:

– Что ты делал с Чипси? Отвечай мне!

– Ничего, – еле сдержался Макс. – Если вы позволите, мэм, я продолжу свою работу. – Он отвернулся от нее и наклонился над своей шваброй.

Она схватила его за руку и развернула к себе.

– Отвечай мне! А то... а то... я капитану скажу, вот что я сделаю.

Макс досчитал до десяти, потом, для полной верности, вспомнил первый десяток чисел из семизначной таблицы натуральных логарифмов.

– Это ваше право, мэм, – сказал он со спокойствием, стоившим ему больших усилий, – но сначала скажите, как вас зовут и по какому делу вы здесь находитесь? Я заведу этими помещениями и отвечаю за этих животных – от имени капитана. – Он знал, что таков закон космоса, хотя связь одного закона с данным случаем и была несколько натянутой.

На лице девушки появилось удивление.

– Что? Я – Элдрет Кобурн, – выпалила она таким голосом, словно это было всем известно.

– А по какому вы делу?

– Я пришла поглядеть на Мистера Чипса – разве не ясно?

– Очень хорошо, мэм. Вы можете навещать своего питомца в подходящее для этого время, – добавил Макс, дословно цитируя инструкцию. – После этого он должен вернуться в свою клетку. Вы не имеете права беспокоить прочих животных, а также кормить их. Таков порядок.

Она хотела было что-то сказать, передумала и прикусила губу. Паучок все это время переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговор, далеко превосходящий возможности его понимания, хотя, возможно, он ощущал кипевшие тут эмоции. Потом он протянул лапку и подергал Макса за рукав.

– Макс, – торжественно объявил Мистер Чипс. – Макс!

Лицо мисс Кобурн вновь приобрело удивленное выражение.

– Это твое имя?

– Да, мэм. Макс Джонс. Он, видимо, хочет меня вам представить. Это так, старик?

– Макс, – твердо повторил Мистер Чипс. – Элли.

Элдрет Кобурн посмотрела себе на ноги, потом с неловкой улыбкой подняла глаза на Макса.

– Вы тут, похоже, друзья. Я, кажется, наговорила чего не надо. Всегда я со своим языком...

– Я уверен, что вы не хотели меня оскорбить, мэм.

Макс продолжал говорить официальным голосом; она торопливо ответила:

– Но я же говорила грубости! Мне так жаль – мне всегда потом жаль. Но я так перепугалась, увидев, что клетка открыта и в ней никого нет. Я подумала, что лишилась Чипси.

Макс неохотно улыбнулся.

– Я понимаю. Ничуть вас не виню. Вы испугались.

– Вот именно, я страшно испугалась. – Она вскинула глаза. – Чипси зовет тебя Максом. Можно, я тоже буду звать тебя Макс?

– Почему же нельзя? Все так делают – это же мое имя.

– А ты зови меня Элдрет, Макс. Или просто Элли.

Пока Макс прибирал в стойлах, Элли оставалась там, играя со своим Чипси. Потом она вздохнула и сказала:

– Думаю, мне лучше вернуться, иначе они меня потеряют.

– Вы придете еще?

– Ну конечно!

– Мм... Мисс Элдрет...

– Элли.

– Можно я спрошу вас? – Он говорил торопливо. – Может, все это и не мое дело, но что задержало вас так надолго? Малышу было жутко одиноко. Он уже думал, что вы его бросили.

– Не «он» – «она».

– А?

– Мистер Чипс – девочка, – произнесла она извиняющимся голосом. – Кто угодно мог ошибиться. А потом было уже поздно, перемена имени только совсем смутила бы ее.

Паучок глянул своими сообразительными глазами и повторил:

– «Мистер Чипс – девочка». Элли, конфета?

– В другой раз, сладкая ты моя.

Макс сомневался, что имя важно в данном случае, учитывая, что ближайшая паукообразная собака находилась в нескольких световых годах отсюда.

– Но вы не ответили на мой вопрос.

– О, я от всего этого так бесилась, что только что не кусалась. Они мне не разрешали.

– Кто это «они»? Твои родители?

– Да нет! Капитан и миссис Дюмон. – (У Макса стало складываться впечатление, что вытаскивать информацию из нее не многим легче, чем из Мистера Чипса.) – Понимаешь ли, меня принесли на корабль на носилках – какая-то дурацкая лихорадка, наверное – пищевое отравление. Не могло быть ничего особо страшного, здоровье у меня как у быка. Но они держали меня в постели, а когда врач разрешил мне вставать, миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы «В». У нее какие-то нелепые представления о том, что прилично, а что нет.

Вообще говоря, Макс понимал, с чем связаны возражения супруги стюарда; у него уже были случаи убедиться, что среди его товарищей по команде встречались экземпляры, мягко

говоря, грубые, хотя он и не думал, чтобы кто-либо из них рискнул задеть пассажирку. Да за такое капитан Блейн, пожалуй, выкинет проштрафившегося в космос.

– Поэтому мне пришлось улизнуть потихоньку. Они, наверное, уже меня обыскались. Так что мне лучше поспешить обратно.

Однако это не сходилось с планами Мистера Чипса. Она вцепилась в Элли и заплакала, иногда прерываясь, чтобы вытереть слезы крошечными кулачками.

– Господи, да что же мне делать!

У Макса на лице появилось озабоченное выражение.

– Я, наверное, избаловал его – ее то есть, я имею в виду Мистера Чипса. – Он объяснил, каким образом возник ритуал укачивания.

– Но мне же надо идти, – растерялась Элли. – Что же мне делать?

– Давай попробуем, может, он – она – пойдет ко мне.

Мистер Чипс согласилась на замену. Элдрет торопливо погладила ее и убежала, после чего Мистеру Чипсу, для того чтобы уснуть, потребовалось времени даже больше обычного. Макс размышлял, поддаются ли паукообразные собаки гипнозу; этот ритуал начинал уже ему надоедать.

Элдрет появилась на следующий день под строгим надзором миссис Дюмон. Макс выкалывал все возможное почтение жене стюарда и не забывал называть Элдрет исключительно «Мисс Кобурн». На следующий день она снова пришла – уже одна. Он посмотрел ей за спину и изумленно воздел брови.

– А где же твоя дуэнья?

Элдрет хихикнула:

– Мадам Дюмон посоветовалась со своим супругом, и тот вызвал твоего начальника – этого самого, толстого. Они сошлись во мнении, что ты идеальный маленький джентльмен, абсолютно безопасный. Как тебе это нравится?

Макс поразмыслил.

– Честно говоря, по основному роду занятий я – убийца с топором, но сейчас у меня отпуск.

– Вот и прекрасно. Что это у тебя здесь такое?

Это был набор для игры в трехмерные шахматы. Макс играл в них с дядей, это была любимая игра всех астронавигаторов. Обнаружив, что в нее играет кое-кто из картографов и вычислителей, он инвестировал свои чаевые в покупку набора в корабельной лавке. Набор был дешевенький, без подсветки и дистанционного управления, просто этажерка из прозрачных пластин с фигурами – не резными, а штампованными, однако для игры этого было достаточно.

– Это объемные шахматы. Когда-нибудь видела?

– Да. Не знала, что ты в них играешь.

– А почему нет? Ты играешь в обычные шахматы?

– Немножко.

– Принципы те же, только фигур больше и есть еще одно направление, в котором можно ходить. Давай, я тебе покажу.

Она села, скрестив ноги, напротив него, и он показал ей ходы.

– Вот это автоматические транспортники, то есть пешки. Они могут превратиться во все что угодно, если дойдут до дальнего края. Вот эти четыре – звездные корабли, они одни ходят не по прямой, вроде коней. Они должны совершать пространственный скачок, всегда с того уровня, на котором стоят, на какой-нибудь другой, и этот скачок производится определенным образом, например так – или так. А это – имперский флагман, это ему объявляется шах или мат. Потом есть еще...

Они сыграли пробную игру с помощью Мистера Чипса, которая с энтузиазмом двигала фигуры, не вникая особенно, чей сейчас ход.

Через некоторое время Макс сказал:

– А ты быстро все схватываешь.

– Благодарю.

– Конечно, настоящие игроки играют только в четырехмерные...

– А ты умеешь?

– По правде, нет. Но я когда-нибудь научусь, просто надо все время удерживать в голове на одну пространственную связь больше. Мой дядя играл. Он и меня хотел научить, но умер. – Тут Макс поймал себя на том, что рассказывает о своем дяде. Он кончил этот рассказ без упоминания обо всех своих разочарованиях.

Элдрет взяла с одной из плоскостей звездный корабль.

– Макс, а что, скоро уже будет первый скачок?

– А сколько сейчас?

– Э-э-э... шестнадцать двадцать одна – слушай, мне бы лучше уже бежать наверх.

– Тогда это будет через... примерно через тридцать семь часов и семь минут, если верить вычислителям.

– Ты, похоже, разбираешься в этих вещах. Ты не можешь мне объяснить, что это такое мы сделаем. Я слышала раз, как один астронавигатор говорил об этом за столом, только совсем ничего не поняла. Мы вроде как ныряем в свернутое пространство, я это верно уловила?

– Не в свернутое пространство. И вообще, это дурацкий термин. Пространство не «сворачивается», кроме как в тех местах, где «пи» не равно $3,14159265358979323846264338327$ и так далее – как внутри атомного ядра. Мы направляемся к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не искривлено, как около звезд. Зоны пространственных аномалий всегда плоские, иначе они не могли бы совмещаться друг с другом – быть конгруэнтными.

Она выглядела озадаченной.

– Можешь повторить еще раз?

– Слушай, Элдрет, как далеко ты продвинулась в математике?

– Я? Я завалила неправильные дроби. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

– Мисс Мимси?

– «Школа юных леди мисс Мимси», так что ты видишь, что я могу внимать тебе с полным пониманием. – Она состроила гримаску. – Но ты же сам говорил, что ходил в деревенскую школу, да и ту не кончил. Ведь так?

– Да, но я многое узнал у своего дяди. Он был великим математиком. Конечно, его именем не названа какая-нибудь теорема, но, по-моему, он все равно был великий. – Макс помолчал. – Я не знаю, как тебе это объяснить, тут нужны уравнения. Слушай! Ты не могла бы одолжить мне на минутку свою косынку?

– Да, конечно. – Она сняла косынку с шеи.

Косынка была украшена стилизованным изображением Солнечной системы, это был сувенир Дня Солнечного союза. Посреди квадратного куска ткани красовалось Солнце; его обрамляли окружности, изображающие орбиты планет, а по краям были разбросаны несколько комет. Масштаб был сильно искажен; как структурная схема родной системы эта штука не годилась совершенно, но для данного случая ее было вполне достаточно. Макс взял косынку в руки и сказал:

– Вот тут у нас Марс.

– Ты это прочитал. Так нечестно.

– Да помолчи ты секунду. А вот тут – Юпитер. Чтобы с Марса добраться до Юпитера, тебе надо пройти отсюда досюда.

– Очевидно, так.

– А теперь предположим, что я сложу косынку так, что Марс ляжет на Юпитер? Что тогда помешает просто сделать один шаг?

– Ничего, я думаю, не помешает. За исключением того, что то, что легко сделать с косынкой, не так-то просто сделать с настоящим пространством.

– Да, это невозможно так близко от звезды. Но если уйти от звезды на приличное расстояние, это отлично работает. Понимаешь, это как раз и есть то, что называется аномалией, место, где пространство складывается само на себя, и огромные расстояния превращаются в ничто.

– Так, значит, пространство все-таки свернуто!

– Нет, нет и нет. Смотри, я же просто сложил твою косынку, я же нигде ее не растягивал, не менял ее форму. Я даже ее не помял. То же самое с пространством, оно просто сложено, как ненужная бумажка, – но оно не свернуто. Оно просто сложено. Сложено в одном из дополнительных измерений, разумеется.

– Эти «разумеется» как-то прошли мимо меня.

– В уравнениях все это очень просто, но трудно говорить об этом, если ты этого не видишь. Пространство – наше пространство – можно сложить так, что все оно поместится в чашку – все его сотни тысяч световых лет. Но, понятно, в четырехмерную чашку.

Элли вздохнула.

– Не понимаю я, как в эту твою четырехмерную чашку можно кофе-то налить, не говоря уже о целой Галактике.

– Ничего трудного. Ты же можешь затолкать эту тоненькую косыночку в наперсток. Тот же самый принцип. Но дай мне закончить. Понимаешь, раньше думали, что ничто не может двигаться быстрее света. Ну так это было и правильно, и неправильно. Это...

– Ну как может быть одновременно и то и другое?

– Это и есть один из парадоксов Хорста. Нельзя двигаться быстрее света, пока находишься в нашем пространстве. Если попытаешься это сделать, ты из него вырвешься. Но если ты сделаешь это в таком месте, где пространство сложено само с собой и себе конгруэнтно, то снова вырвешься в свое собственное пространство – но очень-очень далеко от первоначального места. Как далеко – это зависит от того, как сложено пространство. А это, в свою очередь, зависит от распределения масс в пространстве, зависит сложным образом, который нельзя описать словами, но можно вычислить.

– Ну а если попробовать сделать это в первом попавшемся месте?

– Вот так и делали самые первые. Они не вернулись. Именно этим опасны исследовательские прыжки. Корабли-разведчики прорываются сквозь такие аномалии, которые найдены теоретически, но ни разу не опробованы. Это и есть причина, по которой так много платят астронавигаторам. Они должны привести корабль в такое место, которое не отличимо глазом, и они должны привести его сюда со скоростью, почти равной скорости света, и они должны резко придать ему ускорение точно в заданной мировой точке. Опустив при вычислениях последний знак числа или для ускорения дела используй более короткий путь через область, в которой имеется неопределенность, – и все закончится плохо. Так вот, мы двигаемся с ускорением двадцать четыре g с того самого момента, как вышли из атмосферы. Конечно же, мы не чувствуем этого, мы находимся в дисперсном поле, при искусственной гравитации в одно g , – это другой из парадоксов Хорста. Но мы теперь подходим вплотную к скорости света, прямо к самой Эйнштейновой границе; очень скоро мы выстрелим, словно арбузное семечко между пальцами, и мы выскочим поблизости от Теты Центавра, на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Очень просто, если только верно все делать.

Элли поежилась.

– Ты имеешь в виду – если мы выскочим.

– Ну... Пожалуй, что и так. Но это гораздо безопаснее полета на вертолете. И погляди на это еще с такой стороны: если бы не аномалии, мы бы никогда не достигли звезд, слишком уж они далеко. Но теперь, глядя назад, кажется совершенно очевидным, что все эти огромные

пустые пространства не могли быть реальными, аномалии должны были существовать. Так говорил мой дядя.

– Наверное, он был прав, хотя я ничего здесь и не понимаю. – Она встала. – А вот что я очень хорошо понимаю, так это что мне надо бежать вверх, а то миссис Дюмон может и передумать. – Элли потискала Мистера Чипса и сунула малыша Максу в руки. – Погуляй с ребеночком, будь другом.

Глава 8

Три пути наверх

Макс намеревался бодрствовать во время первого скачка, но проспал. Скачок был в пять с минутами ночи по корабельному времени. Когда утренняя побудка разбудила его в шесть, все было уже кончено. Он быстро натянул одежду, кипя негодованием на самого себя за то, что не проснулся раньше, и поспешил наверх. Переходы выше палубы «В» были тихими и пустынными, даже самые ранние птички из пассажиров не появятся еще по крайней мере час. Он сразу направился в салон палубы «Б», пересек его и подошел к обзорному иллюминатору, устроенному здесь для удовольствия пассажиров.

Звезды выглядели как обычно, однако привычные с древности созвездия исчезли. Один только Млечный Путь, наша собственная Галактика, казался таким же, как всегда, – для этой чудовищно огромной спирали, состоящей из миллионов звезд, имеющей поперечник в сотни тысяч световых лет, крохотное – менее шести десятков световых лет – перемещение не имело значения.

Одна из звезд была очень яркой, желтоватого цвета. Макс решил, что это и есть Тета Центавра, солнце планеты Гарсона, первой их остановки в пути. Он быстро ушел, не желая рисковать быть пойманным. Шляться без дела в местах, отведенных пассажирам, ему не полагалось. Он быстрее обычного сменил кофачьи посудыны – повод для выхода наверх – и к завтраку уже вернулся в кубрик.

Переход к планете Гарсона занял почти целый месяц даже при огромном ускорении, развиваемом кораблем с импеллером Хорста – Конрада. Элдрет продолжала свои ежедневные посещения для свиданий с Мистером Чипсом – а также для того, чтобы поболтать и поиграть в трехмерные шахматы с Максом. Он узнал от нее, что, хотя она и родилась не на Геспере, а в Окленде, на Земле, все равно родиной своей считала Гесперу.

– Отец послал меня на Землю, чтобы из меня сделали леди, но этого не произошло.

– Что ты имеешь в виду?

– Я трудный ребенок, – ухмыльнулась Элли. – Поэтому меня и отослали. Макс, тебе шах. Чипси, положи эту штуку на место. Знаешь, эта мелкая тварь всю дорогу тебе подыгрывает.

Мало-помалу он понял, что она имела в виду. Школа мисс Мимси была третьей кряду, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она была полна решимости вернуться домой и для этого создавала царство ужаса в каждом из заведений, заботам которых ее вверяли. Отец – мать ее умерла – очень хотел дать своей дочери «приличное» образование, но ее стратегическая позиция была куда сильнее, она могла диктовать свою волю. Отцовские адвокаты на Земле умыли руки и спровадили ее домой.

Сэм совершил ошибку, начав поддразнивать Макса по поводу Элдрет.

– Сынок, вы с ней уже назначили день?

– Кто назначил, какой такой день?

– Да брось ты! Про это же знает весь корабль, может, за исключением капитана. Зачем пудрить мозги старому другу?

– Не понимаю, про что это ты говоришь.

– Я же тебя не критикую, я тобой восхищаюсь. У меня самого никогда не хватило бы смелости заложить такую высокую траекторию. Но, как говаривал мой покойный дедуля, есть только три пути вверх: талант и пот, рождение в нужной семье или хорошая женитьба. Из всех трех лучший – жениться на дочке босса, потому что... Эй, потише! Не заводись! – И Сэм ускользнул за пределы досягаемости Макса.

– Возьми свои слова назад!

– Беру, беру! Я был не прав. Но имей в виду, что все, мной сказанное, это проявление неподдельного восхищения. Согласен, я ошибался. Посему извиняюсь и беру свои слова назад.

– Но... – Макс не мог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было злиться долго. Несомненно, он был мошенник, возможно – дезертир, совершенно точно – циник, во всем видящий только низкое, но (и с этим ничего не поделаешь) Сэм был его другом.

– Да я понимал, что ты шутишь. Как я могу думать о женитьбе, если мы с тобой решили...

– Сбавь громкость, – тихо сказал Сэм. – Так ты решился?

– Да. Я думаю, что это единственный возможный выход. На Землю я возвращаться не хочу.

– Молодец. Ты об этом не пожалеешь. – Сэм немного задумался. – Нам понадобятся деньги.

– А что, у меня уже что-то есть на корабельном счету.

– Не глупи. Ты только заикнись, чтобы взять больше, чем на карманные расходы, и тебя больше не выпустят. Но ты не беспокойся, прикопи свои чаевые – ту часть, которую Толстяк тебе оставляет, – и я добуду нам, сколько надо. Сейчас моя очередь.

– Каким образом?

– Есть уйма способов. Не бери в голову.

– Ну... ну ладно. Слушай, Сэм, а что это ты имел в виду, когда ты... я имею в виду... ну, если предположить, что я действительно хотел жениться на Элли; я, конечно же, не хочу, она еще совсем ребенок, да и я совсем не собираюсь жениться – но если только предположить? Кому какое дело?

У Сэма на лице появилось удивление.

– Ты что, не знаешь?

– А чего бы я спрашивал?

– Ты что, не знаешь, кто она такая?

– А что? Ее зовут Элдрет. Фамилия Кобурн, и направляется она домой на Гесперу, она из колонистов. Что тут такого?

– Бедняжка ты мой глупенький. А она никогда не говорила тебе, что она – единственная дочь его высокопревосходительства генерала сэра Джона Фицджеральда Кобурна, кавалера ОБИ, КБ, ОСУ и, вполне возможно, ЕКЛМН, чрезвычайного и полномочного императорского посла и одновременно – Верховного комиссара империи на Геспере.

– Че-его?! Ох, черт меня возьми!

– Усек? Чуть-чуть тебе сообразительности и обходительности – и ты, самое малое, сможешь жить на его деньги. Только назови любую из планет – не считая, конечно, Гесперы, – и он ее тебе пришлет.

– Да ну тебя к черту! Но в любом случае она – хорошая девчонка.

Сэм гнусно хихикнул.

– Конечно, конечно. Но, как говаривал покойный дедуля, в добром деле обязательно что-нибудь да прилипнет к рукам.

Неожиданная новость обеспокоила Макса. Он понимал, что Элдрет из обеспеченной семьи, в конце концов, она же была пассажиркой. Но он никогда не испытывал благоговения перед богатством. Личный успех, примером которого был его дядя, внушал ему гораздо больше уважения. Но тот факт, что Элдрет принадлежит к такому невероятно высокому слою общества, а также гнусные инсинуации, мол, он, Максимилиан Джонс, – охотник за чужим состоянием и человек, пытающийся посредством брака вскарабкаться по социальной лестнице, – все это его сильно расстроило.

Макс решил положить этому конец. Начал он с того, что накапливал работу в таком количестве, что мог, не погрешив против истины, сказать, что у него нет времени играть в трех-

мерные шахматы. Тогда Элли взяла в руки вилы и стала ему помогать. Играя после этого игру, которой не удалось избежать, он сделал попытку поговорить напрямую.

– Слушай, Элли, я думаю, что тебе не стоит бывать здесь, внизу, подолгу и играть со мной в эти шахматы. Другие пассажиры ходят сюда к своим питомцам. Они замечают и начинают сплетничать.

– Тьфу на них.

– Я точно говорю. Мы-то с тобой знаем, что все в порядке, но выглядит это как-то не так. Она выпятила нижнюю губу.

– У меня что, теперь и с тобой будут проблемы? Ты разговариваешь в точности как мисс Мимси.

– Ты можешь, конечно, ходить сюда к Чипси, но лучше бы тебе делать это с кем-нибудь еще из собаководовладельцев.

Элли, видимо, собиралась резко ему ответить, потом пожала плечами.

– Хорошо. Да и вообще это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в салоне палубы «Б» после твоей работы, по вечерам.

Макс было завозражал, что мистер Джордано не позволит ему этого; она быстро ответила:

– Про своего начальника ты не беспокойся. Я могу обвести его вокруг своего мизинца. – Последнее она проиллюстрировала жестом.

Воображаемая картина массивного мистера Джи в таком неожиданном положении несколько замедлила ответ Макса, но в конце концов этот ответ последовал:

– Элли, ведь член команды не имеет права пользоваться салоном для пассажиров. Это...

– Имеет. Я много раз видела, как мистер Дюмон пьет кофе с капитаном Блейном.

– Да ты не понимаешь. Мистер Дюмон – почти офицер, и если капитан приглашает его в качестве своего гостя, то это право капитана.

– А ты будешь моим гостем.

– Нет, не буду. – Он попытался объяснить ей инструкцию, строго запрещающую членам команды общаться с пассажирами. – Капитан взбесился бы, увидев нас с тобой сейчас, и не на тебя, а на меня. Если он застанет меня в салоне для пассажиров, то загонит в самый низ, на палубу «Ж».

– Я в это не верю.

– Но... – Он пожал плечами. – Хорошо, я поднимусь сегодня вечером. Он, конечно, не погонит меня в буквальном смысле слова, это будет ниже его достоинства. Он просто пошлет мистера Дюмона, чтобы тот велел мне уйти; а утром тот же мистер Дюмон вызовет меня к себе. Мне не жаль быть оштрафованным на месячную зарплату, если это поможет тебе понять положение вещей.

Он увидел, что наконец-то пронял ее.

– Как же так, это же просто ужасно. Все равны. Все! Это же закон.

– Равны? Это только если смотреть сверху.

Она резко встала и ушла. Макс снова пришлось утешать Мистера Чипса; самого его утешать было некому. Он подумал, что чем раньше они с Сэмом исчезнут за линией горизонта и затеряются в лесах, тем лучше.

Элдрет вернулась на следующий день, но на этот раз – в компании миссис Мендосы, преданной хозяйки чау-чау, до странности похожей на свою собаку. Разговаривая с Максом, Элдрет придерживалась равнодушной вежливости леди, «хорошо» обращающейся со слугами. Исключение она сделала лишь в краткий момент, когда миссис Мендоса была за пределами слышимости.

– Макс?

– Да, мисс?

– Я те дам «да, мисс»! Слушай, Макс, как звали твоего дядю? Это был *Честер* Джонс?

– Да, а что?

– Не важно.

Тут подошла миссис Мендоса, и Макс был вынужден прервать разговор.

Следующим утром его нашел один из кладовщиков.

– Эй, Макс! Тебя вызывает Пузо, и поспеши – похоже, что ты влип.

Макс торопился с беспокойным сердцем. Никаких проступков за ним вроде бы не числилось, а потому возникало жуткое опасение, что это как-то связано с Элли.

Невооруженным глазом было видно, что мистер Джордано не в настроении. Однако он сказал только:

– Явись в офис казначея. Бегом.

Макс бросился бегом.

Казначей не было на месте; Макса принял мистер Койпер. Оглядев его холодными глазами, он сказал:

– Переоденься в чистую форму, и побыстрее. Затем явись в капитанскую каюту.

Макс стоял как столб, сглатывая какой-то комок. Мистер Койпер рывкнул:

– Что еще? Шевелись!

– Сэр, – выпалил Макс, – я не знаю, где находится каюта капитана!

– Что-о? Ничего себе! Палуба «А», радиус девяносто, у борта.

Макс побежал.

Капитан был в своей каюте. С ним были мистер Сэмюелс, казначей; мистер Уолтер, первый помощник, и доктор Хендрикс, астронавигатор. За что бы его ни судили, решил Макс, тривиальным обвинение быть не может. Однако он не забыл отпрапортовать:

– Помощник стюарда третьего класса Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн поднял на него глаза.

– А, да, конечно. Возьмите стул.

Макс нашел себе стул и уселся на самый его краешек. Капитан обратился к первому помощнику:

– Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, Датч, так будет лучше всего – хотя это и кажется мерой несколько резковатой. А вы, Хэл, согласны?

Казначей, к которому относились последние слова, согласился. Макс размышлял о том, насколько резковатой будет мера и выживет ли он после нее.

– Мы занесем это в журнал как исключение, а потом, док, я сам напишу объяснение наблюдательному совету. В конце концов, инструкции для того и пишутся, чтобы их нарушали. Значит, с этим мы покончили. – Макс догадался, что они собираются выкинуть его в космос, а впоследствии объяснить это.

Капитан повернулся к своему столу, что, видимо, означало конец совещания. Первый помощник осторожно кашлянул.

– Капитан... – Он указал глазами на Макса. Капитан Блейн снова поднял глаза.

– Ах, да, молодой человек, ваша фамилия Джонс?

– Да, сэр!

– Я просмотрел ваш послужной список. Вы, кажется, непродолжительное время пытались стажироваться на картографа? На «Туле»⁹.

– Мм... да, капитан.

– И вам не понравилось?

– Да как сказать, сэр. – Макс спросил себя, что бы ответил Сэм, попав в такую ситуацию. – Это все было так... по правде говоря, мне не поручали почти никакой работы, кроме как выносить пепельницы в беспокойно... в центре управления. – Он задержал дыхание.

⁹ От *лат.* Ультима Туле, что в древности было равнозначно «на краю света».

По лицу капитана скользнула улыбка.

– Иногда бывает и так. Не хотели бы вы сделать еще одну попытку?

– Что? Да, сэр!

– Датч?

– Капитан, при обычных обстоятельствах я не вижу смысла в том, чтобы один человек дважды пытался стажироваться на одну и ту же работу. Но тут персональный случай.

– Да, конечно. А вы, Хэл, сможете обойтись без него?

– Несомненно, капитан. Его трудно назвать ключевой фигурой на его посту. – Казначей улыбнулся. – Прислуга с нижней палубы.

Капитан тоже улыбнулся и повернулся к астронавигатору.

– Я не вижу никаких возражений, док. Конечно, остается проблема насчет гильдии.

– Келли не прочь его попробовать. Вы же знаете, у него не хватает человека.

– Ну что ж, очень хорошо, тогда...

– Одну секунду, капитан. – Астронавигатор повернулся к Макссу. – Джонс... у вас был родственник в моей гильдии?

– Мой дядя, сэр, Честер Джонс.

– Я служил под его началом. Надеюсь, что вы обладаете некоторыми его навыками обращения с числами.

– Мм, я тоже надеюсь, сэр.

– Посмотрим. Доложите главному вычислителю Келли.

Макс сумел-таки найти центр управления, не спрашивая никого, куда идти, хотя глаза его с трудом разбирали окружающее.

Глава 9

Картограф Джонс

Неожиданное изменение социального статуса Макса переменяло и всю его жизнь. Изменились отношения с прочими членами команды, правда не всегда к лучшему. Работавшие в центре управления считали себя аристократией команды, этот их статус оспаривался техниками, обслуживавшими силовую часть корабля, а у подчиненных казначея вызывал негодование. Макс быстро почувствовал, что гильдия, которую он оставил, относится к нему без прежней теплоты, в то время как та, в которую он пытается перейти, отнюдь не спешит принять его в свои ряды.

Мистер Джи теперь попросту его не замечал – он мог бы пройти прямо по его голове, если бы Макс не успевал отскочить в сторону. Похоже было, что он воспринимает попытку продвижения Макса как личное оскорбление.

Ему потребовалось купить в корабельной лавке новую форму. Теперь, когда Макс стоял вахту в центре управления и когда, по пути на вахту и обратно, ему приходилось проходить через территорию пассажиров, слоняться в старом комбинезоне было непозволительно. Заработанных денег на форму не хватало, и мистер Койпер отоварил его в кредит, под расписку. Еще одной расписки потребовало разрешение работать вне гильдии. В перспективе, он должен будет выплатить кругленькую сумму в обе гильдии, если его переход осуществится, но эта проблема Макса пока не волновала. Расписался он весело и без сожалений.

Команда управления «Асгарда» состояла из двух офицеров: доктора Хендрикса, астронавигатора; его помощника, мистера Саймса, и еще пятерых: главного вычислителя Келли, картографа первого класса Ковака, картографа второго класса Смита и двоих вычислителей второго класса – Ногучи и Ланди. Связиста первого класса Беннета, по прозвищу Матрас, трудно было считать членом этой команды, хотя он тоже стоял вахты в «беспокойной норе»; звездный корабль очень редко оказывался на расстоянии радиосвязи с чем бы то ни было, только в самом начале и конце рейса. Беннет совмещал пост связиста с обязанностями секретаря и ординарца капитана Блейна, а прозвищу своему был обязан всеобщему убеждению в том, что большую часть своей жизни он проводит в койке.

«Асгард» непрерывно шел с ускорением, и поэтому требовалась непрерывная работа в центре управления, совсем не то что было на старых ракетных кораблях: десять минут пилотирования, а потом недели свободного полета, прежде чем опять возникала нужда в управлении. Капитан Блейн, естественно, и сам был астронавигатором, но шкиперы не стоят вахты. Астронавигатора-стажера в этом рейсе на «Асгарде» не было, так что офицеров, способных стоять вахту в центре управления, оставалось только двое. Эта нехватка восполнялась главным вычислителем Келли, который также наряду с офицерами стоял вахту старшим. Остальные рядовые стояли одну четырехчасовую вахту из четырех. При тех порядках, которые завел в центре управления «Десятичный знак» Келли, различие между вычислителем и картографом было чисто номинальным, – если человек чего-то не умел, он быстро учился или искал себе другой корабль.

Расписание было легким для всех, кроме Макса, – его для обучения ставили на вахты через раз: четыре часа вахты, затем четыре часа, за которые надо успеть поесть, умыться, расслабиться и, если останется время, поспать.

И все равно Макс блаженствовал. Он являлся до времени, а после вахты его приходилось иногда выгонять. Потом, много позже, Макс узнал, что таким жестким режимом Келли испытывал его на излом, пытаясь найти его слабые места, чтобы поскорее избавиться от него, если он не подойдет.

Однако приятными были не все вахты. Первую Макс стоял под командой мистера Саймса. Забравшись через люк в помещение центра, он изумленно огляделся вокруг. По четырем сторонам отсека были расположены великолепные параллаксные камеры. Между двумя из них сидел перед главным компьютером Ланди. Он поднял глаза на Макса и молча кивнул. Мистер Саймс сидел у пульта управления, лицом к люку: он должен был видеть, как появился Макс, однако ничем этого не выказал.

Вдоль стен помещения теснились уйма прочих приборов, некоторые из которых Макс узнал по описанию в книгах или по фотографиям. Другие были ему совершенно незнакомы. Тут были приборы, передававшие обстановку во всех отсеках корабля, экран, воспроизводивший вид неба с кормы, «под» кораблем, микрофон и пульт управления внутренней системы оповещения, «бак», или стереокомпаратор, на котором снимки, сделанные параллаксными камерами, сравнивались с картами, астроспектрограф, доплероскоп, многоточечный измеритель температуры, посадочный радар – чересчур много всего, чтобы разобраться сразу.

Вверху сквозь астронавигационный купол сияла звездами Вселенная. Макс разинул рот и не мог оторвать глаз от звезд. Все это время он жил в своей стальной норе и почти не видел звезд. Даже дома, на ферме, он был ближе к небесной тверди.

– Эй, ты!

Макс вздрогнул и обнаружил, что на него смотрит мистер Саймс.

– Иди сюда.

Пока Макс выполнял это приказание, помощник астронавигатора продолжал:

– Ты что, не знаешь, что обязан доложиться вахтенному офицеру, когда заступаешь на вахту?

– Ох, извините, сэр.

– А кроме того, ты опоздал. – Макс украдкой глянул на хронометр, вделанный в пульт. До срока оставалось еще добрых пять минут. Саймс продолжал: – Печально, когда рядовой приходит на свой пост позже офицера. Как твоя фамилия?

– Джонс, сэр.

Мистер Саймс фыркнул. Это был краснолицый молодой парень с жидкими волосенками морковного цвета; фыркание было обычным его речевым приемом, по крайней мере – в разговоре с младшими по званию.

– Свари кофе.

– Да, сэр.

Макс собрался было спросить, где и как, но мистер Саймс снова погрузился в свое чтение. Макс беспомощно глянул на Ланди, и тот глазами указал направление. Позади шкафа с картами Макс обнаружил кофеварку, а под ней чашки, блюдца, сахар и банки со сгущенными сливками.

Он успел пару раз обжечься, пока приноровился к особенностям агрегата. Мистер Саймс принял варево, даже не взглянув на Макса. Макс не знал, чем еще заняться, и решил предложить чашку Ланди. Вычислитель тихо поблагодарил его, тогда Макс рискнул налить и себе; у него создалось впечатление, что здесь так принято. Он отнес свою чашку поближе к компьютеру и уже собрался пить.

Но не успел он начать, как раздался голос вахтенного офицера:

– Это что такое? Вечеринка? Джонс!

– Да, сэр?

– Прибери помещение. Можно подумать, здесь стадо свиней валялось.

Комната была совершенно чистой, однако Макс нашел и подобрал несколько клочков бумаги. Засунув их в мусоропровод, он натер все металлические ручки, ярко сиявшие и до того. Он начал было делать все по второму разу, когда Ланди жестом подозвал его. Макс помог Ланди сменить пластинки в параллаксных камерах и понаблюдав, как тот устанавливает элек-

тронный таймер. Мистер Саймс лично нажал кнопку пуска; это, похоже, было единственной работой, проделанной им за время вахты.

Ланди вынул пластинки из камер и установил их в «баке» для сравнения с картами, снял отсчеты и занес их в вахтенный журнал. Макс чисто номинально помогал ему, набираясь при этом опыта, как все это делается. Потом он опять начал драить медяшку.

Эта вахта продолжалась бесконечно долго. Макс вернулся в кубрик, начисто лишившись своего первоначального восторга.

Совсем другими были вахты под началом доктора Хендрикса и Келли. Под управлением Келли «беспокойная нора» превращалась в место очень веселое; он властвовал ею как благожелательный деспот, крича, ругаясь, обзывая последними словами кофе, понося своих подчиненных, которые отвечали ему тем же. При Келли Макс и в руки не брал полировочной тряпицы, он был слишком занят, и не только на подхвате, но и подробно изучая оборудование центра.

– Нам совершенно нечего делать, – кричал ему Келли, – пока мы не шлепнемся на эту гарсоновскую плешь. Нечего делать, кроме как скользить по этой канатке, пока не плюхнемся в грязь. Но ты, жеребчик, будешь у меня пахать. Когда мы туда прилетим, ты у меня будешь знать эту чертову «нору» лучше, чем твоя матушка знала твоего папашу, – или тебе придется доучивать пропущенное уже там, пока все твои дружки будут надираться до зеленых чертей. Хватай руководство по главному компьютеру, снимай заднюю панель и потеряйся в проводах. И чтобы я в течение остальной вахты не видел ничего, кроме твоей уродливой задницы.

И уже через десять минут Келли стоял на коленях рядом с ним и помогал разобраться в сложной схеме.

Макс учился, в чем ему сильно помогала фотографическая память, а еще больше – солидная теоретическая подготовка, полученная от дяди. Келли был доволен.

– Я полагаю, ты малость преувеличил, говоря, что ни черта не освоил на «Туле».

– Ну, не очень много.

– Во время твоей стажировки «беспокойной норой» командовал Йохансен?

– Э-э-э, да. – Макс отчаянно надеялся, что Келли не будет называть других фамилий.

– Так я и думал. Этот болван своей собственной мамаше не скажет, сколько ему лет.

Потом наступила вахта, во время которой Келли разрешил ему провести на компьютере тренировочный расчет сближения с точкой перехода; Ногучи диктовал цифры из таблиц, а сам Келли исполнял роль астронавигатора, следуя распечаткам данных последнего перехода корабля. Цифры для ввода в компьютер зачитывали вслух – в таком режиме приходилось работать непосредственно перед тем, как корабль совершал финальный рывок к скорости света, когда новые данные сыплются на астронавигатора сплошным потоком.

Келли диктовал данные значительно медленнее, чем это бывает на практике; Ногучи сверялся с таблицами и диктовал Максусу числа для ввода в компьютер. Сначала Макс нервничал, пальцы его так дрожали, что трудно было попасть в нужные клавиши, но затем он успокоился и начал работать легко, словно он и машина были рождены друг для друга.

Келли диктовал: «...двоичный натуральный логарифм от ноль точка восемь семь ноль девяносто два». Потом Макс услышал голос Ногучи, повторявшего данные, но, пока вычислитель листал справочник в поисках нужной страницы, она появилась перед мысленным взором Макса, и он машинально нажал нужные клавиши, не дождавшись Ногучи.

– Поправка! – пропел Келли – Слушай, ты, тупица, тебе не надо вводить те циферки, которые я говорю, ты вводи те циферки, которые тебе Ногги скажет. Ну сколько тебе раз повторять?

– Но я же... – начал и осекся Макс. До этого момента никто на борту «Асгарда» не догадывался, что он обладает такой непристойно странной памятью.

– Что «ты же»? – Келли хотел было сбросить последние данные, введенные Максом, но приостановился. – Если подумать, ты же не мог ввести в эту кофемолку десятичные цифры. Так что же ты, интересно, сделал?

Макс знал, что прав, и очень не хотел, чтобы думали, будто он ошибся.

– Ну, я ввел те цифры, которые Ногучи собирался мне продиктовать.

– Повтори-ка это снова. – Келли смотрел на него не отрываясь. – Ты что, читаешь мысли?

– Нет, но цифры я ввел правильные.

– Хм... – Келли склонился над клавиатурой. – Повтори-ка, Ногги. – Вычислитель выдал длинный ряд нулей и единиц, двоичный эквивалент зачитанного Келли десятичного выражения; Келли проверял нажатые клавиши, губы его сосредоточенно шевелились. Он выпрямился. – Как-то раз один парень при мне тринадцать раз подряд выбросил семь очков, причем кости были честные. Что это было, Макс? Тебе просто повезло?

– Нет.

– Ладно. Ногги, кинь-ка мне эту книгу. – Келли довел задачу до конца, выдавая Максимум только начальные данные и необходимые действия, не переводя числа в двоичную форму, которая требовалась компьютеру. Все это время он листал книгу и заглядывал Максимум через плечо. Макс боролся с нервозностью и быстро нажимал клавиши; пот заливал ему глаза.

В конце концов Келли сказал:

– Хорошо, крутни-ка ему хвост. – Макс щелкнул тумблером, подавая сигнал, по которому машина заглотила программу и мгновенно ее переварила; ответ выразился в огоньках: горит – не горит, это был машинный эквивалент двоичных чисел.

Келли, при помощи справочника, перевел сигналы в обычный десятичный вид. Потом посмотрел в журнал. Потом он закрыл журнал и передал его Ногучи.

– Я думаю, мне не мешает чашечка кофе, – тихо сказал он и отошел.

Ногучи открыл журнал, посмотрел на лампочки, горевшие на панели компьютера, заглянул в таблицы и поглядел на Макса с очень странным выражением на лице. Макс поднял глаза и увидел, что Келли смотрит на него поверх своей чашки кофе с тем же самым выражением. Макс нажал на кнопку сброса, лампочки на панели компьютера потухли, он встал с наместа вычислителя. Никто не произнес ни слова.

Следующая вахта у Макса была с доктором Хендриком. Вахты с астронавигатором нравились ему почти так же, как с Келли: доктор Хендрик был дружелюбным и вежливым джентльменом, обучению Макса он уделял внимания не меньше, чем Келли. На этот раз Келли тоже был, он задержался после своей вахты, – вообще-то говоря, ничего необычного, главный вычислитель нередко заходил к астронавигатору в такие часы, чтобы проконсультироваться или просто поговорить. Но в этот день, заступив на вахту, доктор Хендрик сказал Максимум:

– Келли говорил мне, что вы учитесь работать на компьютере, Джонс?

– О да, сэр.

– Очень хорошо. Давайте проведем тренировку. – Доктор Хендрик вытащил старый вахтенный журнал и выбрал в нем задачу подхода к точке скачка, аналогичную той, которую Макс решал в предыдущий раз. Келли взял справочник, готовясь исполнять роль «мальчика с табличкой». Однако он ничего не зачитывал. Макс немного подождал и, не получив от Келли двоичного числа, прочитал его со страницы, всплывшей в его памяти, и ввел в машину.

Так это и продолжалось. Келли не говорил ничего, только слегка облизывал губы и проверял, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор зачитывал следующую часть задачи. Ковак стоял неподалеку и наблюдал весь этот спектакль.

В конце концов доктор Хендрик закрыл журнал.

– Ясно, – сказал он вполне будничным голосом, словно перед ним был совершенно заурядный случай, – у вас, Джонс, очень интересная способность. Я читал про таких людей, но вы – первый, кого я встречаю лично. Вы когда-нибудь слышали про «Слепого Тома»?

– Нет, сэр.

– Возможно, в судовой библиотеке есть про него. – Астронавигатор помедлил секунду. – Ни в коем случае не хочу принижать ваш талант, но вы не должны пользоваться им во время реального маневра. Вы понимаете почему?

– Да, сэр. Думаю, что понимаю.

– А лучше сказать так, что вы не должны его использовать, пока вам не покажется, что сделана ошибка, – про ошибку вы должны сказать сразу же. Но все равно конечным авторитетом остаются печатные таблицы.

– Да, сэр.

– Очень хорошо. Зайдите, пожалуйста, ко мне в каюту после вахты.

Когда Макс сменился с вахты, по корабельному времени был «день». Он подошел к каюте доктора Хендрикса и помедлил. Тут-то на него и наткнулась Элли.

– Макс!

– О, привет, Элли! – Он почувствовал некоторую неловкость, сообразив, что ни разу не видел ее со времени своего продвижения по службе.

– Он еще говорит «привет». – Она встала перед ним, загородив проход. – Ты посмотрел бы на себя, видочек – будь здоров. Да у тебя глаза такие же красные, как кант на твоей рубашке. Где ты пропадал? Загордился, слишком хорош стал, чтобы встречаться со старыми друзьями? Даже к Чипси не заходишь.

Он забежал один раз, но с Элли не встретился. Больше он визитов не повторял, потому что парню, попавшему на его место, не слишком нравилось исполнять обязанности горничной при коровах, овцах, ламах и т. д.; похоже, вину за такую ситуацию он возлагал на Макса.

– Прости, пожалуйста, – смиренно произнес Макс, – все нет времени.

– Слабое оправдание. Знаешь, что ты сейчас сделаешь? Ты сейчас отправишься прямо-ком в салон, и там я тебе покажу – я тут придумала такой способ взять к ногтю твой любимый гамбит, ты только рот разинешь!

Макс раскрыл упомянутый рот, закрыл и открыл снова:

– Нет.

– Немного погромче, пожалуйста. Вы, кажется, употребили какое-то незнакомое мне слово.

– Послушай, Элли, будь разумной. Я же жду доктора Хендрикса, а когда он меня отпустит, попытаюсь хоть чуть-чуть поспать. Я недобрал уже часов десять.

– Ты всегда можешь отоспаться.

– Нет, когда стоишь на вахте четыре часа, потом четыре отдыхаешь, а потом снова на вахту. Приходится досыпать при малейшей возможности.

– Ты что, хочешь сказать, что стоишь вахту через раз? – удивилась Элли. – Да это же уголовное преступление.

– Может, и так, только так оно и есть.

– Но... Я с этим разберусь! Я поговорю с капитаном!

– Элли, ради бога, не делай этого!

– А что? Капитан Блейн – милый старичок. Не бери в голову, я с этим разберусь сама.

Макс глубоко перевел дыхание, затем заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали поубедительнее:

– Элли, не говори ничего капитану, совершенно ничего. Мне сейчас выпал величайший шанс в жизни. Если ты будешь лезть в дела, которых не понимаешь, ты его погубишь. Меня снова выкинут к коровам.

– Да нет же, он такого никогда не сделает.

– Да ты пойми, Элли. Может, для тебя он и «милый старичок», но для меня он – капитан. Так что не лезь в это дело.

Элли надула губы:

– Я же помочь тебе хотела.

– Понимаю, и большое тебе спасибо. Но все равно не надо. И все равно я не могу прийти в салон – мне это запрещено.

– Я же думала... я думала, что ты от меня прячешься. А почему нельзя? Ты же разгуливаешь здесь, наверху, в этой красивой форме. Почему же нельзя?

Разговор был прерван доктором Хендриком, возвращавшимся в свою каюту.

– Доброе утро, Джонс, доброе утро, мисс Кобурн. – Он прошел внутрь.

На лице Макса появилось отчаяние.

– Слушай, Элли, мне надо идти. – Он повернулся и постучал в дверь астронавигатора.

Доктор Хендрикс как будто и не видел его с Элдрет.

– Садитесь, Джонс. Очень интересное вы сегодня устроили представление. Мне крайне интересно, как далеко простирается эта ваша способность. Она ограничивается числами?

– Почему? Я думаю, нет, сэр.

– Вам пришлось много работать, чтобы добиться таких результатов?

– Нет, сэр.

– Хм... Мы сейчас кое-что попробуем. Вы читали... дайте мне подумать... что-нибудь из пьес Шекспира?

– Ну, в школе у нас был «Гамлет» и «Как вам это понравится», а еще я читал «Зимнюю сказку». Только она мне не понравилась, – честно добавил Макс.

– В таком случае вы, видимо, ее не перечитывали. Помните что-нибудь оттуда?

– Конечно, сэр.

– Хм... – Доктор Хендрикс взял с полки потрепанный том.

– Ну, например. Акт второй, сцена третья: Леонт говорит: «Ни днем ни ночью мне покоя нет! Но эти муки слабость, только слабость».

Макс подхватил:

– «...только слабость. И я, пожалуй, мог бы исцелиться, ее источник главный уничтожив: мою жену...» – Он продолжал, пока доктор Хендрикс не остановил его.

– Достаточно, вполне достаточно. Мне и самому не слишком нравится эта пьеса. Даже у бессмертного Билла бывали выходные. Только как это вышло, что вы прочитали эти самые таблицы? Все-таки даже самые скучные вещи Шекспира не такие скучные, как они. Я не читал их никогда, пользовался, конечно, но это нельзя назвать «чтением».

– Понимаете, сэр, дядя Чет, выйдя в отставку, привез домой все свои руководства по астронавигации. Он много разговаривал со мной. Так что я взял и прочел их.

– Это надо понимать так, что вы запомнили наизусть всю профессиональную библиотеку астронавигатора?

Макс перевел дыхание.

– Ну, сэр... Я их прочел.

Доктор Хендрикс взял с полки несколько книг. Двоичными таблицами он заниматься не стал – тут Макс себя уже показал. Он перелистывал руководства и задавал Максиму вопросы. Потом начал просто называть номера страниц. Наконец он закрыл последнюю.

– Уф! – подытожил мистер Хендрикс и поморгал глазами. – Я, конечно, знаю, что в истории психологии есть много примеров таких способностей, но, надо признаться, когда сам с такими встречаешься – приходишь в некоторое замешательство. – По его лицу скользнула улыбка. – Хотел бы я посмотреть на брата Визерспуна, когда он об этом узнает.

– Сэр?

– Это наш Верховный секретарь. Боюсь, что он будет порядком шокирован; у него до крайности консервативные представления об охране «секретов» нашей профессии.

Макс неловко поерзал на стуле.

– У меня будут из-за этого какие-нибудь неприятности, сэр? Я же не знал, что мне не следует читать дядины книги.

– Что? Чуть это все. В астронавигации нет никаких «секретов». Вы пользуетесь этими книгами во время вахты, то же самое делают все члены команды в «беспокойной норе». Если меня спросить, так пусть, ради бога, их читают даже пассажиры. Астронавигация – не какая-то там тайная наука, она просто трудна. У немногих людей хватит математических способностей корректно провести расчеты, нужные для решения, скажем, задачи перехода. Но тех, кто занят в гильдии политикой, вполне устраивает, чтобы астронавигация представлялась неким оккультным ремеслом. Вы же понимаете, престиж и все такое. – Доктор Хендрикс помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Джонс, я хочу, чтобы вы это знали. Келли думает, что из вас может что-то выйти.

– Ух, это приятно слышать, сэр.

– Только не думайте, что из-за того лишь, что вы запомнили все эти книги, вы знаете уже больше, чем он.

– О нет, сэр.

– По правде говоря, в центре управления нет особой нужды в вашем таланте. Необходимы те качества, которыми обладает Келли, – неустанное внимание к своим обязанностям, глубокое знание инструментов своей профессии, скрупулезная забота о мельчайших деталях, глубочайшая преданность своей работе, своей команде и своему кораблю и тем, кто выше тебя в профессиональном смысле. Келли не нужна эйдетическая память, хорошая обычная память в сочетании с умом и порядочностью – вот все, что нужно для этой работы. И это все, что нужно мне от вас в центре управления.

– Да, сэр.

Астронавигатор помедлил.

– Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали обидно, но нужно добавить еще вот что. Подобные необычные способности иногда сочетаются с вполне обычным, а то и неполноценным разумом – настолько часто, что психологи даже придумали специальный термин – «*idiot savant*»¹⁰. Извините меня, пожалуйста: вы, самым очевидным образом, не идиот, но совсем не обязательно гений, даже если способны запомнить всю имперскую энциклопедию. Я хочу сказать, что для меня важнее ваш обычный здравый смысл и прилежное исполнение вами своих обязанностей, чем ваша феноменальная память.

– Я буду стараться, сэр.

– Я думаю, что со временем из вас выйдет хороший картограф. – Доктор Хендрикс показал, что беседа закончена. Макс встал. – И еще одно.

– Да, сэр?

– Существуют очень убедительные причины, связанные с дисциплиной и эффективностью работы, по которым рядовые не должны общаться с пассажирами.

Макс сглотнул.

– Я знаю, сэр.

– Тогда будьте осмотрительны в своих словах и поступках. Мои сотрудники всегда были осторожны в этом вопросе – даже если это нелегко.

Макс вышел из каюты с ощущением, словно из него выпустили воздух. Он шел сюда, чувствуя, что будет как-то вознагражден, – может, ему даже дадут шанс попытаться стать астронавигатором. Теперь, пропотев всю беседу, он как будто съезился до своих нормальных размеров.

¹⁰ «Идиот ученый» (от *фр. savoir* – знать) – термин, введенный английским ученым-медиком Джоном Л. Дауном (1828–1896).

Глава 10

Планета Гарсона

В последующие недели Макс мало видел Сэма: жесткий график вахт не оставлял времени для хождения в гости. Сэм же тем временем процветал.

Как и на всех крупных кораблях, на «Асгарде» была небольшая собственная полиция; она состояла из бывалых сержантов, поддерживавших порядок на корабле, действуя в качестве представителей первого помощника. Сэм, благодаря своим талантам политика и поддельному удостоверению помощника стюарда первого класса, исхитрился во время перестановок, последовавших за переводом Макса, устроиться старшиной корабельной полиции по ведомству казначея. Со своими обязанностями справлялся он великолепно – не отдавливал без крайней нужды ничьих ног, сквозь пальцы смотрел на те нарушения, которые давно вошли в традицию, и присматривал за соблюдением тех правил санитарии, экономии и дисциплины, которые действительно необходимы на аккуратном и благополучном корабле. Присматривал, но совсем не обязательно вытаскивал нарушителей на ковер к первому помощнику – что устраивало как мистера Уолтера, так и команду. Когда кладовщик Мэггинис слишком увлекся благородным продуктом производства мистера Джи и воспытал желанием серенадами пробудить своих соседей по кубрику, Сэм попросту препроводил его на камбуз и накачал его крепким черным кофе. На следующий день Сэм отвел Мэггиниса на палубу «Ж», снял свой значок и провел с ним разъяснительную беседу, не оставившую следов на теле, но оставившую неизгладимый след в душе. Где-то в своем темном прошлом Сэм научился искусству драки – не грубому мордобою, не стилизованной пародии на бой, каковой является бокс, но высокому искусству, превращающему безоружного человека в машину убийства.

Жертву себе Сэм выбрал крайне обдуманно. Если бы он доложил о Мэггинисе, тот счел бы его просто доносчиком, любителем совать нос не в свое дело, которого надо или перехитрить, или бросить ему вызов, а если бы за доносом последовало суровое наказание, Мэггинис мог бы превратиться в постоянную проблему. Кроме того, не надо забывать, что донос на Мэггиниса косвенно угрожал и священной корове – главному стюарду Джордано. То же, что произошло, превратило Мэггиниса в страстного поклонника Сэма и лучшего его пропагандиста, так как своеобразная, хотя и совсем не уникальная гордость кладовщика требовала, чтобы человек, победивший его, был «самой могучей машиной, какая бывает на двух ногах, мгновенная смерть в каждой руке – настоящий мужик. Со стариком Сэмом шуточки плохи – ты попробуй как-нибудь сам и увидишь, *что* из этого получится. Давай, давай, а я заключу пари на вашу драку». Второй наглядной демонстрации Сэму не потребовалось.

Главным старшиной корабельной полиции и номинальным начальником Сэма был первый помощник старшего механика; все полицейские силы этого крохотного мира состояли из них двоих. Когда техник захотел вернуться к силовой установке и на его место был прислан третий помощник старшего механика, со стороны Уолтера было вполне естественно назначить главным из них Сэма.

Он положил глаз на эту работу с самого начала. Любой полицейский чин в любом месте обладает властью, значительно превосходящей ту, которая принадлежит ему по закону. До тех пор, пока Сэм находился в хороших отношениях с мистером Койпером, мистером Джордано и (в меньшей степени) с мистером Дюмоном, до тех пор, пока он не пытался пользоваться своей властью в «беспокойной норе» и на технических палубах, он был самым влиятельным человеком на корабле – фактически более влиятельным, чем даже сам первый помощник, ибо именно Сэм олицетворял собой власть последнего.

Вот так обстояли дела к моменту посадки на планету Гарсона.

Планета Гарсона похожа на кусок строительного мусора, оставшийся по завершении создания Вселенной. Сила тяжести на ее поверхности равна единице с четвертью – многовато, чтобы чувствовать себя комфортно. Она холодна, как сердце ростовщика, а ее метановая атмосфера совершенно не пригодна для человека. Галактика просто кишит значительно более приятными планетами, и никто бы ею не заинтересовался, не будь она незаменимой промежуточной базой. Вблизи земного Солнца есть одна-единственная Хорстова конгруэнтность, и скачок через нее выводит корабль неподалеку от Теты Центавра, а из тринадцати планет, кружащих вокруг этого солнца, планета Гарсона обладает жалким достоинством быть наименее неприятной. Зато в окрестностях Теты Центавра имеется полдюжины исследованных конгруэнтностей, что делает планету Гарсона неизбежной узловой станцией на торговых маршрутах Солнечного союза.

Макс вышел на поверхность только один раз, и этого было более чем достаточно. Поселок около космопорта, частично стоявший под куполами, частично расположенный в туннелях, вырытых под теми же куполами, был очень похож на лунные города и несколько напоминал подземные части любого из больших земных городов, но для Макса все это было в новинку, поскольку он никогда не был на Луне и никогда не видел больших городов на Terre, за исключением Земпорта. Он сошел с корабля вместе с Сэмом, одетый во все лучшее и полный любопытства. В скафандре не было необходимости – к каждому пассажирскому лайнеру в порту прокладывался герметичный переход, соединяющий шлюз корабля со шлюзом купола.

Попав под купол, Сэм сразу направился вниз, к нижним уровням поселка. Макс запротестовал:

– Сэм, пошли наверх и посмотрим, что там.

– Чего? Ничего там нет. Гостиница, дорогие магазины и кабаки с бешеными ценами для пассажиров при деньгах. Ты хочешь отдать месячную зарплату за бифштекс?

– Нет, но я хочу посмотреть наружу. Я на чужой планете – и вообще ее *не видел*. Из центра управления ее было не рассмотреть, а теперь, когда мы сели, я не видел ничего, кроме шлюза да вот этого. – Он махнул рукой в сторону стен коридора, по которому они шли.

– Да ничего здесь не увидеть, кроме густого, грязного желтого тумана, который не рассеивается никогда. Хуже, чем на Венере. Но ты решай сам. У меня тут есть кое-какие дела, и если не хочешь идти со мной, ты совершенно не обязан этого делать.

Макс решил последовать за Сэмом. Они спустились и оказались в широком, светлом коридоре, сильно напоминавшем ту самую улицу в Земпорте, на которой расположен ресторанчик Перси. Единственным заметным отличием была крыша над головой. Тут были те же самые бары, те же развлекательные заведения с теми же нехитрыми способами заставить прохожего расстаться с частью наличности. Даже та же портняжная мастерская с тем же постоянным объявлением о дешевой распродаже по случаю закрытия. В порту находилось еще несколько кораблей, и улица была полна народу. Сэм огляделся.

– Теперь надо найти место, чтобы спокойно выпить и поговорить.

– А что, если здесь? – ответил Макс, указывая на вывеску «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА». – Вроде чисто и прилично.

Но Сэм быстро провел его мимо.

– Все это так, – сказал он, – но не для нас.

– А почему?

– Ты что, не видел, кто там сидит? Имперский космодесант.

– Ну и что? Я не имею ничего против имперцев.

– Мм... конечно же, и я тоже, – согласился Сэм, не сбавляя шага, – но эти парни держатся друг друга и имеют скверный обычай не любить штатских, которые глупы настолько, что заявляются в заведение, облюбованное ими. Желаеть, чтобы тебе переломали ребра?

– Чего? Но ведь если я не буду никуда лезть, этого не случится.

– Может, да. А может, и нет. Вот, например, если официантка решит, что ты «красавчик», а парень в начищенных сапогах, с которым она была раньше, захочет что-нибудь предпринять по этому поводу? Макс, ты хороший парень, но на хороших парней просто нет спроса. Чтобы не нарваться на неприятности, надо просто не нарваться на неприятности.

Они пробирались сквозь толпу еще яров сто, пока Сэм не сказал:

– А вот это то самое, – конечно, если Липпи все еще заведует этой забегаловкой.

На вывеске было написано: «УДАЧНАЯ ПОСАДКА», само заведение было побольше, чем «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА», но на вид похуже.

– Кто такой Липпи?

– Ты, может, и вообще не увидишь его. – Сэм провел Макса внутрь и выбрал столик.

Макс огляделся. Забегаловка выглядела как любой третьеразрядный бар с грилем.

– Интересно, я могу заказать здесь клубничный лимонад? Сто лет уже по нему скучаю – я всегда брал его, когда ходил по субботам в Углы.

– За то, что ты спросишь его, тебя не вышвырнут.

– Хорошо. Сэм, а помнишь, ты мне рассказывал про своего друга из космического десанта, сержанта Робертса?

– Кого?

– Или Ричардса. Я тогда не совсем расслышал.

– Никогда о таком не слыхал.

– А как же...

– Никогда не слыхал о таком. А вот и официант.

Точно так же официант – гуманоид из системы Сириуса – никогда не слышал о клубничном лимонаде. Он, подобно всем своим сородичам, не имел лицевых мышц, однако кожа у него на спине поползла вверх, собираясь в складки, что должно было выражать растерянность и непонимание. Макс согласился на нечто под названием «Старый Гейдельберг», хотя оно и на пятьдесят световых лет никогда не приближалось к Германии. По вкусу оно напоминало холодную мыльную воду, но, так как Сэм его оплатил, Макс грел в руках стакан и даже делал вид, что пьет из него.

Чуть посидев, Сэм вскочил.

– Посиди, парень, я ненадолго.

Он поговорил с барменом, потом растворился где-то в глубине зала. К столику Макса подошла молодая женщина.

– Скучаем, астронавтик?

– Пожалуй, не особенно.

– А вот я – скучаю. Не против, если я тут сяду? – Она опустилась на стул, оставленный Сэмом.

– Пожалуйста, но мой друг скоро вернется.

Женщина не ответила, а вместо этого повернулась к официанту:

– Специальный темный, Гиглз.

Макс жестом выразил свое активное несогласие:

– Нет!

– В чем дело, дорогой?

– Послушай, – покраснев, сказал Макс. – Может, я выгляжу зеленым, как трава. Может, я такой и есть. Но я все равно не собираюсь покупать подкрашенную водичку по цене коктейля. У меня не так много денег.

На ее лице появилась обида.

– Но ты же должен что-нибудь заказать. В противном случае я не могу здесь сидеть.

– Ну... – Он глянул на меню. – Думаю, я могу позволить себе бутерброд.

Она снова повернулась к официанту:

– Забудь про специальный, Гиглз. Сыр на ржаном, и горчицы побольше. – Она повернулась к Макс. – Как тебя звать, радость моя?

– Макс.

– А меня Долорес. Ты откуда?

– Озаркс. Это на Земле.

– Какое совпадение! Я из Виннипега, мы же совсем соседи.

Макс подумал, что с такого расстояния вполне может так показаться. Но чем больше Долорес трещала, тем очевиднее становилось, что она не имеет ни малейшего представления о том, где расположен Озаркс, да и Виннипег тоже, и, вероятнее всего, в жизни не бывала на Земле. К тому времени как вернулся Сэм, она доедала бутерброд, параллельно объясняя Макс, что просто обожает астронавтов, они такие романтичные.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз:

– На сколько ты его раскрутила?

– Ты не имеешь права так со мной говорить! – возмутилась Долорес. – Мистер Липский не разрешает...

– Брось это, девочка, – сказал Сэм без малейшей недоброжелательности в голосе. – Ты просто не знаешь, что мой друг – гость Липпи. Сечешь? И никаких «специальных», никакого «заплати мне» – ты зря тратишь свое драгоценное время. Ну так на сколько?

Макс торопливо ответил сам:

– Сэм, все нормально. Я купил ей только бутерброд.

– Ну если... Но теперь, сестрица, ты свободна. Может, попозже.

Она пожала плечами и встала.

– Спасибо, Макс.

– Не за что, Долорес. Я передам привет виннипегцам.

– Обязательно передай.

Сэм не садился.

– Сынок, мне надо отлучиться на некоторое время.

– Хорошо.

Макс сделал движение, чтобы встать. Сэм жестом остановил его.

– Нет-нет. С этим делом я лучше разберусь в одиночку. Ты меня подождешь здесь? Они тебя больше не будут беспокоить, а если будут – позови Липпи.

– У меня не будет никаких неприятностей.

– Да уж надеюсь. – Сэм выглядел озабоченно. – Сам не знаю, чего я должен дергаться, но что-то такое в тебе пробуждает мои материнские чувства. Наверное, это твои огромные голубые глаза.

– Что? А пошел-ка ты! И в любом случае глаза у меня карие.

– Я говорил, – ласково произнес Сэм, – о глазах твоей пухлой, розовой, свежей, как роса, души. И не вступай до моего возвращения в разговоры с незнакомыми людьми.

Макс употребил одно из выражений, подхваченных им у мистера Джи; Сэм, ухмыльнувшись, удалился.

Однако указание Сэма не относилось к мистеру Саймсу. Макс увидел, как помощник астронавигатора появился в дверном проеме. Лицо его было краснее обычного, а глаза как-то неопределенно блуждали. Саймс медленно поворачивал свое туловище, изучая зал. В конце концов взгляд его наткнулся на Макса, и он неприятно улыбнулся.

– Ну-ну-ну, – говорил он, приближаясь к Макс. – Да никак это наш умный мальчик!

– Добрый вечер, мистер Саймс. – Макс встал.

– Так, значит, «добрый вечер, мистер Саймс»? А что ты там сказал про себя?

– Ничего, сэр.

– Пфф! Я же знаю! Только я думаю про тебя то же самое, и даже еще хуже. – Не получив ответа, Саймс продолжал: – Ну так не хочешь ли ты пригласить меня сесть?

– Присаживайтесь, сэр, – произнес Макс безо всякого выражения.

– Ну вы только подумайте! Умный мальчик хочет, чтобы я сел рядом с ним. – Он сел, подозвал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Макссу. – Умный мальчик, а ты знаешь, зачем я тут с тобой сижу?

– Нет, сэр.

– А чтобы напеть кое-что тебе на ушко, вот зачем. С того самого раза, как ты устроил этот фокус-покус с компьютером, ты стал для Келли нашим волозтолосым... золотовласым... мальчуганом. Зо-ло-то-вла-сым мальчуганом, – повторил он, старательно выговаривая слова. – Меня все это в восторг не приводит. Заруби себе на носу: будешь обхаживать астронавигатора, как Келли, я тебя из центра управления быстренько выставлю. Понял меня?

Макс почувствовал, что скоро не сможет больше сдерживаться.

– Мистер Саймс, что вы имели в виду, когда сказали «фокус-покус»?

– А ты сам прекрасно знаешь. Выучил, наверное, полдюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что ты запомнил всю книгу. Гений среди нас! Знаешь, что это? Это просто куча...

На счастье Макса, их прервали; он почувствовал твердую руку на своем плече, и тихий голос Сэма произнес:

– Добрый вечер, мистер Саймс.

На лице Саймса появилась растерянность, но потом он узнал Сэма и просветлел:

– Ребята, да это же наш фараон. Садитесь, констебль, выпейте с нами.

– А что, можно. – Сэм придвинул еще один стул.

– Вы знакомы с этим вот умным мальчиком?

– Да, встречал его иногда.

– Присматривайте за ним получше. Это приказ. Он очень, очень умный. Слишком умный. Вот спросите у него число. Выберите любое число между единицей и десятью.

– Семь.

Мистер Саймс хлопнул ладонью по столу:

– Ну вот, что я вам говорил? Он запомнил это число прежде, чем вы сюда подошли. Когда-нибудь однажды он запомнит еще какое-нибудь число – и его напишут у него на груди. По трафарету. Знаете что, констебль? Я не доверяю умникам. У них в головах полно идей...

Располагая теперь поддержкой Сэма, Макс не вмешивался в монолог Саймса. Как только Сэм к ним присоединился, к столику подошел Гиглз; Макс видел, как Сэм что-то написал на обороте меню и передал его гуманоиду вместе с деньгами. Мистер Саймс был слишком увлечен своим монологом, чтобы это заметить. Некоторое время Сэм не мешал ему распространяться, а потом вдруг прервал его:

– Сэр, похоже, что у вас тут есть знакомые.

– Что? Где?

Сэм указал. Сидевшая у стойки Долорес улыбнулась и пальчиком поманила к себе помощника астронавигатора. Саймс с трудом сфокусировал взгляд, ухмыльнулся и сказал:

– Точно, так и есть. Это же моя двоюродная бабушка Сэди.

Он резко встал и покачнулся. Сэм потер руки.

– Ну вот мы от него и избавились. Сынок, он тебя очень достал?

– Да есть немного. Спасибо, Сэм. Только противно видеть, что его свалили на Долорес. Она хорошая девица.

– За нее не беспокойся. Она быстренько лишит его всего, что у него есть с собой, – а заодно и хорошей должности на корабле. – В глазах Сэма появилась жестокость. – Офицер должен поступать как офицер. Если он хочет пропустить одну-другую, он обязан делать это в

своей части города. Да черт с ним. – Сэм расслабился. – Так что, кое-что изменилось, сынок? Теперь все совсем иначе, чем когда мы стартовали с Земли?

– Да уж, многое изменилось!

– Нравится тебе эта шайка из «норы»?

– В жизни так здорово не было. И я учусь быстро, так сказал мистер Келли. Они все отличные ребята, кроме этого. – Он кивком указал в сторону Саймса.

– Плюнь ты на него. Даже в самом лучшем супе бывает муха. Просто не давай ему повода.

– И не собираюсь.

Сэм внимательно поглядел на Макса, а потом тихо сказал:

– Ну как, готов нырнуть?

– Чего?

– Я почти насобирал денег. Все будет тип-топ.

Отвечать Максиму было трудно. Он, конечно, понимал, что, по существу, перевод не решил никаких проблем; он находился в такой же опасности, как и раньше. Но Макс был так занят интересной, радостной, тяжелой работой, так валился с ног после нее, что все остальное как-то отодвинулось на задний план. Теперь он задумчиво рисовал пальцем узоры на запотевшей крышке стола и думал.

– Как бы хотелось, – медленно произнес он, – чтобы можно было как-нибудь из этого дела выкрутиться.

– Способ есть, я тебе уже говорил. Чтобы затерялись твои документы.

Макс поднял глаза на Сэма.

– А что толку? Конечно, я смогу совершить еще один рейс. Но мне же не нужен просто еще один рейс, я хочу совсем остаться в этом деле. – Он посмотрел на стол и старательно изобразил гиперболу. – Лучше уж я пойду с тобой. Вернись я на Землю – мне останутся только трудовые бригады, и это еще в том случае, если не окажусь в тюрьме.

– Ерунда все это.

– Почему ерунда?

– Ты пойми меня, сынок, я бы очень хотел, чтобы мы пошли вместе. В такое время от того, есть у тебя под рукой напарник или нет, зависит... ну, где ты окажешься – на горе или под горой. Но ты вполне можешь остаться в космосе с документами чистыми, как у младенца.

– Каким образом?

– Ты же меняешь гильдию. Теперь нужно затерять только одну бумагу – о твоём уходе из стюардов, поваров и бухгалтеров. А они никогда не хватятся этой бумаги, потому что для них ты не существуешь. Ты получишь совершенно чистый, аккуратный и законный старт у вычислителей и картографов.

Соблазн для Макса был очень сильным.

– А как же доклад в Департамент труда и гильдий?

– Все то же самое. Разные бумаги идут в разные конторы. Я все это разузнал. Один доклад теряется, другой идет – и помощник стюарда Джонс пропадает без вести, в то время как стажер-картограф Джонс вступает в жизнь с чистыми документами.

– Сэм, а почему ты сам не сделаешь этого? С твоей теперешней работой ты можешь перескочить на... Ну, например, на...

– На что? – Сэм печально покачал головой. – Нет, старик, не на что мне переходить. А к тому же у меня есть серьезные основания зарыться поглубже. – Он немного просветлел. – А знаешь что, я подберу себе новую фамилию еще до того, как соскочить, и скажу ее тебе. И тогда в один прекрасный день, через два года, через десять, через двадцать лет, ты окажешься на Новой Земле и найдешь меня. И мы раздавим на пару бутылочку и поговорим о том времени, когда были веселыми и молодыми. Ну как?

Макс улыбнулся, хотя на душе и было печально.

– Так и сделаем, Сэм. Обязательно. – Тут он вдруг нахмурился. – Вот только, Сэм, я не знаю, как все это повернуть, а тебя здесь уже не будет.

– Я все устрою до ухода. Нельсон уже прямо-таки зернышки клюет у меня с ладони. Что-нибудь вроде: половина платы вперед, половина по завершении дела; и я позабочусь, чтобы у тебя было кое-что на него, что именно – не бери в голову, тебе пока знать этого не надо. Когда вы сядете в Земпорте, он попросит тебя отправить доклады, так как ты пойдешь в город, а у него будет еще срочная работа. Ты проверишь, что там будут те два доклада, которые тебя интересуют, и отдашь ему остаток денег. И порядок.

– Пожалуй, так будет лучше всего, – не очень весело согласился Макс.

– И кончай дрожать и дергаться. У каждого свой скелет в шкафу, главное – чтобы там он и оставался, а не вылезал наружу в самое неподходящее время. – Сэм отодвинул в сторону пустой стакан. – Ну так что, парень, ты не против, если мы сейчас вернемся на корабль? Или ты думаешь остаться здесь на всю ночь?

– Нет, пошли. – Возбуждение, охватившее Макса при выходе на первую в его жизни чужую планету, совсем прошло. «Гарсонова дыра», как он должен был признать, являла собой далеко не лучший образчик чудес Галактики.

– Тогда давай загрузимся. Мне тут надо кое-что отнести, и твоя помощь пригодится.

«Кое-что» оказалось четырьмя здоровенными свертками, которые Сэм ранее сдал в камеру хранения.

– А что в них? – с любопытством спросил Макс.

– Грелки для чайников, сынок, грелки для чайников. Многие тысячи. Думаю продать их этим мелкоголовым на Прочионе. В качестве ночных колпаков.

Макс слегка обиделся и больше ни о чем его не спрашивал.

Вообще говоря, все проносимое на борт корабля подлежало проверке, однако дежурный у шлюза не настаивал на досмотре имущества главного старшины корабельной полиции – это было все равно что устроить обыск кому-нибудь из корабельных офицеров. Макс помог Сэму отнести свертки в его каюту, которая полагалась начальнику корабельной полиции по должности.

Глава 11

Через грузовой люк

Путь от планеты Гарсона к Альциону, планете из системы Нью Пегаса, – это зигзаг из трех скачков в сто пять, четыреста восемьдесят семь и девятнадцать световых лет, в результате чего по прямой («как ворона летает») покрывается расстояние менее чем в двести пятьдесят световых лет. Однако не имеют значения ни расстояния по прямой, ни псевдорасстояния скачков; сам «Асгард» прошел от порта до порта меньше одного светового года, расстояние «как ворона летает» существенно только лишь для этой самой вороны.

Первый скачок производился примерно через месяц после старта с планеты Гарсона. Келли сменил Максу расписание вахт, теперь это была одна вахта из трех, причем – вахта самого Келли. В результате Макс получил гораздо больше времени для отдыха, и учиться ему стало легче – ведь вахты с Саймсом были для него пустой тратой времени. Да и вообще Макс с большим облегчением воспринял то, что теперь не надо регулярно встречаться с Саймсом. Было ли это одной из целей Келли при изменении расписания, Макс так никогда и не узнал. Спросить он не решился.

Вахта Макса оставалась стажерской, он никого не подменял, его не подменял никто. У него вошло в привычку не уходить из центра управления раньше Келли, если только его не выгоняли. В результате он часто встречался с доктором Хендриком, потому что главного вычислителя подменял астронавигатор, а Келли обычно несколько задерживался, чтобы поговорить. Во время этих разговоров астронавигатор иногда спрашивал, как у Макса продвигаются дела.

Иногда во время вахты доктора Хендрикса заходил капитан. Вскоре после старта с планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним из таких случаев, для того чтобы продемонстрировать необыкновенные способности Макса капитану Блейну и первому помощнику Уолтеру. Выступление Макса прошло без единой ошибки, хотя он крайне стеснялся присутствия капитана. Тот наблюдал за ним очень внимательно, с легким удивлением на лице. Потом Блейн сказал:

– Спасибо, парнишка. Это поразительно. Так как, говорите, ваша фамилия?

– Джонс, сэр.

– Да, конечно, Джонс. – Капитан поморгал и произнес задумчиво: – Должно быть, это ужасно – ничего не забывать, особенно по ночам. Держи свою совесть в чистоте, сынок.

Двенадцатью часами позднее доктор Хендрикс сказал ему:

– Джонс, не уходите, вы мне нужны.

– Да, сэр.

Астронавигатор поговорил о чем-то с Келли, затем снова обратился к Максу:

– Ваш фокус, Джонс, произвел большое впечатление на капитана. У него возник вопрос. Нет ли у вас заодно и таких же математических способностей?

– Ну, как сказать... Нет, сэр. То есть я не являюсь мгновенным вычислителем. Я видел такого раз в цирке. Он мог делать вещи, которых я делать не могу.

– Это не важно, – успокоил его Хендрикс. – Ты, кажется, говорил, что дядя немного обучал тебя математике?

– Только для астронавигационных целей, сэр.

– А о чем, вы думаете, я говорю с вами? Вы знаете, как рассчитывается подход к точке перехода?

– Пожалуй, да, сэр.

– Честно говоря, я в этом сомневаюсь, сколько бы математики ни вложил в вас брат Джонс. Но все равно – давайте попробуем.

– Что, прямо сейчас, сэр?

– Вы попробуйте. Ну притворитесь, что вы – вахтенный офицер. Келли будет вашим помощником, а я – просто зрителем. Рассчитайте тот переход, который нам предстоит. Я понимаю, что мы еще так далеко, что это не имеет значения, но вы должны действовать так, словно от этого зависит безопасность корабля.

Макс перевел дыхание.

– Да, сэр. – Он сделал движение, чтобы взять новые пластинки для камер.

Хендрикс сказал:

– Нет!

– Сэр?

– Если вы командуете вахтой, то где же ваша команда? Ногучи, помогите ему.

– Да, сэр. – Ногучи ухмыльнулся и подошел. Пока они, согнувшись, занимались первой камерой, Ногги прошептал: – Не дай ему себя заговорить. Мы устроим потрясающее шоу. А в трудных местах тебе поможет Келли.

Однако Келли не стал помогать; он исполнял роль «мальчика с таблицей» – и только, ни малейшего намека, правильно действует Макс или совсем заврался. Получив результаты наблюдений и данные от сравнения пластинок с картами, Макс не стал сам вводить задачу в компьютер. На машине работал Ногучи, а переводил числа из системы в систему Келли. Порядочно времени и уйму пота спустя лампочки на пульте перестали мигать и выдали нечто, что, как Макс надеялся, было ответом.

Доктор Хендрикс не сказал ничего, а взял те же самые пластинки и начал сравнивать их с картами, решая задачу заново, с той же самой командой. Очень скоро лампочки опять выбросили ответ; астронавигатор взял у Келли таблицы и сам перевел результат в десятичную систему.

– Отличие только в девятом знаке. Неплохо.

– Я ошибся только в девятом знаке, сэр?

– Этого я не говорил. Возможно, больше ошибся я.

На лице Макса появилась улыбка, но доктор Хендрикс нахмурился:

– А почему вы не проверили доплеровские спектры?

По хребту Макса пробежал холодок.

– Наверное, я забыл, сэр.

– Мне казалось, что вы тот самый человек, который никогда ничего не забывает.

Интуитивно – и совершенно верно – Макс догадывался, что тут разговор шел о двух совершенно разных видах памяти, однако не владел психологическим жаргоном, при помощи которого мог бы объяснить это. Один вид – забыть шляпу в ресторане, такое может случиться с каждым. Другой – это если не можешь вспомнить то, что ты когда-то знал.

Хендрикс продолжал:

– Вахтенный центра управления не имеет права забывать вещи, существенные для безопасности корабля. Однако для контрольного упражнения это было очень хорошо, не хватало только скорости. Если бы мы были близки к скорости света, готовые к скачку, ваш корабль оказался бы в Гадесе¹¹ и успел бы разбиться о берега Стикса раньше, чем от вас дождались бы ответа. Но для первой попытки это очень хорошо.

Он отвернулся. Келли головой указал на входной люк, и Макс вышел.

Засыпая этим вечером, Макс думал, что, может быть, доктор Хендрикс даже размышляет сейчас о нем, потому что... Да нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов, ведь Келли тоже мог это сделать; Макс неоднократно видел, как тот рассчитывает дальний подход, да и быстрее

¹¹ Гадес (Аид) – царство мертвых у древних греков, омываемое водами реки Стикс.

к тому же. Возможно, Ногучи тоже мог. Конечно же, Ногучи мог, поправил он себя. В конце концов, здесь же нет никаких «секретов».

Когда приблизились к первой аномалии, легкое расписание – одна вахта из трех для офицеров и вахта из четырех для рядовых – сменилось на вахту через раз, с астронавигатором, помощником, картографом и вычислителем в каждой вахте. Макса наконец поставили на нормальную вахту вместо стажерской. Первую вахту возглавлял доктор Хендрикс, помощником у него был картограф первого класса Ковак. Макс был картографом вахты, а на компьютере работал Ногучи. Во второй вахте мистеру Саймсу помогал Келли, картографом был Смит, а вычислителем – Ланди. Макс обратил внимание, что доктор Хендрикс отдал свою «первую команду» Саймсу и взял себе взамен менее опытных техников. Макс не понимал, почему так, но был рад, что не придется работать с Саймсом.

Теперь он наконец-то узнал, почему это место называют «беспокойной норой». Лицо доктора Хендрикса превратилось в застывшую маску, он работал как механизм, проводя одну за другой коррекцию курса подхода и требуя от своей команды быстрой, беззвучной и безукоризненной работы. В течение последних двенадцати часов подхода к точке перехода астронавигатор не уходил из центра управления, остальные члены команды – тоже, разве что на самое краткое время, хотя номинально они и были на отдыхе. Номинально Саймс продолжал стоять свои вахты, но доктор Хендрикс все время висел над ним, проверяя каждое движение. Дважды он потребовал, чтобы Саймс повторил часть расчета, а один раз просто отодвинул его в сторону и сделал все сам. В первый раз, когда такое случилось, Макс с удивлением уставился на происходящее, однако потом он заметил, что остальные демонстративно занимались своими делами, пока доктор Хендрикс лично беседовал с Саймсом.

По мере приближения критического момента напряжение возрастало. Подход к аномальному межпространственному переходу невозможно сравнить ни с какой другой разновидностью пилотирования, когда-либо осуществлявшейся человеком. Разве что сравнить эту задачу с абсолютно невозможным трюком – взлететь на самолете и вслепую пролететь тысячу миль, все это время настолько точно определяя свое местонахождение, чтобы в конце полета суметь пролететь сквозь узкий туннель, даже и не увидев этого туннеля. Хорстовскую конгруэнтность увидеть невозможно, ее можно только вычислить, пользуясь сложнейшими уравнениями воздействия массы на структуру пространства; «вход» – это просто ничем не обозначенное пустое место посреди гигантской окружающей пустоты. Подходя к планете, астронавигатор наблюдает место назначения или визуально, или на экране радара; скорость его в этой ситуации всего каких-то несколько миль в секунду. Но при выполнении хорстовского подхода скорость корабля близка к скорости света и достигает ее в последний момент. Ближайшие ориентиры находятся на расстояниях во многие миллиарды миль, да и сами эти ориентиры движутся со звездными скоростями и толпятся в центре поля зрения в результате колоссального параллакса, возможного только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и то, что является для него единственным ключом к вопросам местоположения и скорости – фронт электромагнитной волны.

Ну, прямо как в полночь искать в темной комнате черную кошку, которой там и вовсе нет.

В конце Келли сам сидел за компьютером, а Ланди около него с таблицами. Смит и Ковак занимались картами и пластинками, передавая данные доктору Хендриксу, который вслух задавал программу оператору у компьютера, мысленно составляя задачу и почти без задержки загружая ее в электронный мозг. Сейчас силовая установка находилась под его непосредственным контролем. Каждая его рука лежала на клавишах управления, одна из которых предназначалась для того, чтобы вести корабль на скорости чуть ниже скорости света, а другая – чтобы дать в последний момент тот самый толчок, который заставит его прорваться сквозь пространство.

Макса отодвинули в сторону; не было ни одного дела, для которого не нашлось бы более опытного исполнителя. Но с другой стороны, Саймса тоже отодвинули в сторону; в момент истины место было только для одного астронавигатора.

Из всех, находившихся в «беспокойной норе», самым спокойным казался капитан Блейн. Он сидел на отведенном специально для него кресле, спокойно курил и смотрел на Хендрикса. Лицо астронавигатора было серым от усталости, оно лоснилось от долго не смываемого пота. Воротник его форменной рубашки был расстегнут, она выглядела так, словно он в ней спал, хотя на самом деле он не спал вовсе. Макс смотрел на Хендрикса и удивлялся: неужели он сам хотел стать астронавигатором и был настолько глуп, что хотел взвалить на себя эту невыносимую, ни с кем неразделимую ношу?

Однако твердый голос доктора не выдавал признаков усталости; шли нескончаемые последовательности чисел, каждое – четкое, словно напечатанное, каждое произносилось так, что не оставалось места для ошибки, не возникало необходимости что-либо повторять. Макс слушал, учился и удивлялся.

Он посмотрел сквозь купол вверх, наружу, в пространство, искаженное их немыслимой скоростью. Звезды впереди в течение нескольких последних вахт сходились все ближе и ближе друг к другу. Колоссальный эффект параллакса так сдвигал их изображения, что казалось, что они отступают в тот сектор небосвода, к которому стремился корабль. Теперь они были видны в инфракрасном свете, так как корабль с такой скоростью неся навстречу волновым пакетам, что доплер-эффект уменьшал длины волн теплового излучения до длин, соответствующих видимому свету.

Неожиданно поток цифр прекратился. Макс опустил глаза вниз, а потом торопливо взглянул вверх; он услышал голос доктора Хендрикса, который выкрикнул:

– Приготовиться!

Казалось, будто все звезды сползли в одну точку, затем они исчезли и, без какой-либо задержки, сменились другой звездной Вселенной, новой, совершенно отличной от прежней.

Хендрикс выпрямился и тяжело перевел дыхание, затем посмотрел вверх.

– Ну вот, там Мемориал принца Альберта, – сказал он тихо. – А вот там – Шестиугольник. Что ж, капитан, похоже, что мы проскочили. – Затем он повернулся к Саймсу. – Заступайте, сэр. – Пропустив капитана первым, он вышел через люк.

Команда центра управления снова перешла на легкие вахты; следующий переход предстоял через много дней. Макс стоял вахтенным картографом, сменив на этом посту Ковака, который, в свою очередь, заменил доктора Хендрикса, взявшего неделю отдыха. По правде говоря, в начале пути к следующей точке перехода не было особенных дел, и потому нужды в высоком мастерстве доктора не возникало. Но Макс очень гордился своим новым положением; было очень приятно небрежно расписываться в вахтенном журнале: «М. Джонс, вахт-й карт-ф». Он ощущал, что нашел свое место, несмотря даже на то, что с Саймсом отношения были испорчены, а Келли продолжал немилосердно гонять его по всем ремеслам центра управления.

Макс немного удивился, однако не ждал ничего особенного, когда однажды между вахтами ему приказали явиться к астронавигатору. Он надел чистую форму, причесался и отправился на палубу «В».

– Картограф-стажер Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Келли тоже был здесь. Они с астронавигатором пили кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.